

Анна Шнайдер

Лабиринты наших желаний

<https://litres.ru/74204547>

Аннотация

Иногда отношения между двумя людьми похожи на лабиринт. Какое-то время мы идём, ни о чём не думая, словно плывём по течению. И вдруг — развилка, и никаких указующих камней. Никто не подскажет тебе, куда следует свернуть, чтобы достичь счастья. Никто не подскажет тебе верный путь, ведь жизнь не сказка. Только в сказке окружающие делятся на добрых и злых, в действительности же всё гораздо сложнее. Но вот, наконец, ты принял решение. Сделал шаг вперёд... и уткнулся в тупик. Повернулся, чтобы пойти назад, а никакого «назад» уже нет. Там, позади, всё совсем другое... и нужно начинать новый путь. Каким он окажется, этот новый путь? В лабиринте так просто заблудиться...

История Стаси - "Я тебя не хочу"

Содержание

1	4
2	12
3	23
4	33
5	41
6	51
7	56
8	63
9	74
10	84
11	92
12	96
13	107
14	119
15	124
16	128
17	143
18	151
19	164
Конец ознакомительного фрагмента.	166

1

Иногда отношения между двумя людьми похожи на лабиринт. Какое-то время мы идём, ни о чём не думая, словно плывём по течению. И вдруг — развилка, и никаких указывающих камней. Никто не подскажет тебе, куда следует свернуть, чтобы достичь счастья. Никто не подскажет тебе верный путь, ведь жизнь не сказка. Только в сказке окружающие делятся на добрых и злых, в действительности же всё гораздо сложнее.

Но вот, наконец, ты принял решение. Сделал шаг вперёд... и уткнулся в тупик. Повернулся, чтобы пойти назад, а никакого «назад» уже нет. Там, позади, всё совсем другое... и нужно начинать новый путь.

Каким он окажется, этот новый путь? В лабиринте так просто заблудиться...

Твой лучший будильник — это ты сам.

Ксюша Мартынова знала это очень хорошо. Так же, как и то, что если твой начальник хочет тебя уволить, опаздывать на работу не стоит.

Желание своё он, конечно, не афишировал, да и Ксюша тоже молчала — проблемы ей были не нужны. Просто она

уже седьмой месяц не представляла, что делать. Уходить в другую редакцию? Увольняться самой? Притворяться, что всё в порядке, и терпеть до последнего?

Она пока терпела. Просто потому что уволиться никогда не поздно, а уходить с насиженного за шесть лет места совсем не хотелось.

Будь проклят этот дурацкий новогодний корпоратив, на котором Виктор — заведующий редакцией, в которой работала Ксюша — выпил лишнего. Его поставили начальником всего полгода назад, и он решил расслабиться хотя бы на корпоративе, раз в остальное время дерут, как сидорову козу.

Водка и коньяк, громкая музыка, полутёмный коридор... Ксюша просто шла в туалет, когда почувствовала, что её схватили за плечо, прижали к стенке и пытаются поцеловать.

Своего начальника она узнала только после того, как дала ему коленом в пах. И потом ещё, извинившись, помогала выпрямиться и вызывала такси, чтобы Виктор мог уехать домой.

Женатый мужчина с двумя маленькими детьми... Какой позор.

Начальник вызвал Ксюшку «на разговор» сразу после новогодних каникул. Не мялся, тут же твёрдо заявил — мол, давай забудем, извини, я был пьян. Она не возражала. Конечно, забудем. Естественно, пьян. Бывает, чего уж там.

Вот только... с тех пор Виктор сильно изменил отношение к ней. Давал самые сложные проекты, постоянно приди-

рался, даже покрикивал. Коллеги смотрели на начальника с недоумением — с остальными-то он так себя не вёл.

Ксюша терпела. Сжимая зубы, работала, стараясь не отвлекаться на ставшую гнетущей атмосферу в редакции. Надеялась, что со временем Виктор успокоится и перестанет хотеть её уволить.

Впрочем... уж лучше «хотеть уволить», чем просто «хотеть».

*

Время обеда, как всегда, подошло неожиданно, и ознаменовалось жалобными завываниями в желудке. Ненароком взглянув на часы, Ксюша обнаружила, что выбилась из графика на целых пятнадцать минут. Не удивительно, что так хочется есть.

Быстро свернув все окна на рабочем столе — она терпеть не могла, когда кто-то пялился на её недоделанную работу — засунула в сумку мобильник и поспешила прочь из офиса, лопатками ощущая взгляд Виктора. Начальство, конечно, ничего не сказала, обед положен по штатному расписанию, но если вдруг она потратит на него больше полчаса — точно скажет.

Наверное, не надо было так думать, выходя из редакции. Как в воду глядела.

В холле оказалось пусто, и Ксюша, кивнув знакомому охраннику, нажала на панели вызова лифтов кнопку с цифрой один. Через пару секунд двери открылись, и девушка во-

шла внутрь. Там никого не было, если не считать долговязой, почти на целую голову выше Ксюшки, девчонки-подростка. Девчонка не поднимала головы от экрана дорогущего айфона, по краям которого блестели розовые стражики.

Ксюша рассматривала соседку по лифту совершенно машинально — больше здесь нечего было рассматривать, если только стены глазами сверлить. Она сразу же поняла: девочка из обеспеченной семьи, и дело было не только в айфоне (который, прямо скажем, давно не признак состоятельности). Ксюша, выросшая в бедности, да и до сих пор с трудом сводившая концы с концами, безошибочно определяла тех, кто не был ей ровней. Вот и сейчас она прекрасно видела и дорогую футболку, и безупречные джинсы (точно не с рынка), и дизайнерские кроссовки. Видимо, девочка едет с верхних этажей — именно там, по слухам, располагались элитные квартиры. Больше неоткуда, не в офисе же она работает в свои молодые годы?

Двери закрылись, лифт поехал. Впрочем, ехал он недолго... Замер через пару секунд, издав какой-то странный и немного пугающий звук.

— Блин... пообедала, — пробормотала Ксюша, недовольно покосившись на панель, где гордо светилась единица. Но увы — двери не открывались.

Девчонка наконец подняла голову от своего драгоценного телефона и испуганно огляделась.

— Ой, а почему мы стоим?

— Застряли, — вздохнула Ксюша.

— Как это? — удивилась собеседница. — Эти лифты разве застревают?

— Конечно. Все лифты застревают. — «Так же, как все люди тупят» — подумала про себя Ксюша, а вслух сказала. — Сломалось, видимо, что-то. Сейчас запустят, дело житейское.

На этом, с точки зрения Ксюши, вопрос был исчерпан. Вот только у её солифтницы оказалось иное мнение на этот счёт...

Сперва девчонка слегка позеленела, потом побледнела и начала хлопать ртом, как рыба. Затем прижалась спиной к зеркалу позади себя и стала медленно сползать на пол, закатывая глаза.

— Блин! — Ксюшка подскочила к панели и нажала на кнопку экстренного вызова. — Эй! Там кто-нибудь есть вообще? Запустите лифт, тут ребёнку плохо!

— Сейчас, — буркнули оттуда. — Чиним.

Выругавшись про себя, Ксюша подошла к девчонке. Та уже почти лежала на полу, тяжело дыша и заливаясь паническими слезами.

— Клаустрофобия? — Ксюша села рядом, приподняла «ребёнку» голову и положила её себе на колени. — Я, конечно, не врач, но мне кажется, глазки тебе лучше закрыть. Давай-давай, ресницами не хлопай, закрывай. А я тебе песенку спою... колыбельную. Спи, моя радость, усни, в доме погас-

ли огни, птички уснули в саду...

Удивительно, но девчонке явно полегчало. Она даже задышала глубже, отчётливее, и хрипы уменьшились.

Когда-то давно Ксюша ходила в музыкальную школу, где её учили петь и играть на гитаре. Петь ей нравилось, играть — нет. Гитару она забросила, а вот бросить петь так и не смогла. Да и слух с голосом у неё имелись.

— Ложкой снег мешая, ночь идёт большая...

Девчонка чуть улыбнулась и слегка порозовела. Видимо, ей нравилось. И Ксюша продолжала петь, поглаживая случайную спутницу по голове. Волосы у неё были тёмные, мягкие, почти детские, и пахли чем-то клубничным.

— Спят усталые игрушки, книжки спят. Одеяла и подушки ждут ребят...

Девчонка засмеялась, и Ксюша тоже улыбнулась. Даже жаль, что их из этого лифта скоро выпустят... Она бы не отказалась ещё посидеть, забыв о собственных проблемах. А как выйдешь из лифта — так они и навалятся всем скопом. И с Виктором придётся объясняться, почему она настолько долго обедает... кажется, уже больше получаса прошло.

У Ксюшки кончались колыбельные, когда лифт поехал вниз.

— Ох... починили? — обрадованно пискнула девчонка, распахивая глаза. И надо же — зелёные.

— Тс-с-с. Не каркай, не дай бог опять застрянем...

Но не застряли, доехали до первого этажа. А как толь-

ко двери наконец открылись, Ксюша помогла собеседнице встать и за руку вывела её в коридор.

— Скорую не надо? — спросил один из рабочих в форме, стоявших тут же, возле лифта.

— Нет, — девчонка гордо вздёрнула нос и прошествовала мимо, потащив за собой и Ксюшку.

— Погоди-погоди... Мне не туда, я обратно в офис поеду. У меня обед закончился.

Кажется, ребёнок расстроился.

— А я хотела тебя поблагодарить...

— Ну давай завтра в кафе сходим, — примирительно сказала Ксюша. — Хочешь, я тебе позвоню, когда освобожусь? В обед или вечером.

— Лучше вечером, я часа в четыре только домой приду. У меня завтра танцы! — заявила девчонка, доставая телефон. — Диктуй номер, я тебе сейчас наберу!

Ксюша продиктовала, и когда её собственный мобильник зазвонил, внесла новую знакомую в его память.

— Тебя как зовут-то? — решила уточнить Ксюша, постеснявшись записать девчонку как «Лифт» или «Клаустрофобия».

— Настя, — ответила та и с какой-то непонятной гордостью добавила: — Настя Венчур!

Хм... Ну Венчур так Венчур.

— А я Ксюша Мартынова. Будем знакомы. И до завтра, я побежала.

— До завтра! — крикнула Настя и помахала Ксюше рукой, но она этого уже не видела — мчалась к лифтам, про себя молясь, чтобы Виктора не было в офисе, когда она вернётся.

Увы... кто-то там, наверху, не обратил на Ксюшину молитву никакого внимания.

«Будет буря», — подумала девушка, заходя в редакцию. Виктор сидел за столом и с мрачным видом пялился в монитор. На секунду поднял глаза, когда вошла Ксюша, но сразу же опустил и сильнее нахмурился, явно посмотрев на часы в углу монитора.

«Море волнуется раз... море волнуется два... море волнуется три...»

— Ксюша!

Ну точно как по нотам. Она только и успела, что сесть на стул.

— Да, Виктор.

— У всех сотрудников обед длится полчаса, — сказал начальник ледяным тоном. — И только у тебя почему-то почти целый час. И в чём твоя исключительность, позволь узнать?

Галя Елецкая, соседка Ксюши по столу, пользуясь тем, что её от взгляда начальства закрывали большой монитор и полочка с книжками, красноречиво хлопнула себя по лбу, изобразив позу фейспалма.

— Ни в чём, Виктор, — как можно спокойнее ответила Ксюша. — Я просто застряла в лифте и в итоге вообще не попала на обед.

— О-о-о, — с другого конца редакции подала голос Ольга Алексеевна, самый «старый» их сотрудник — ей было

чуть за пятьдесят. — Я на прошлой неделе тоже застревала. Неприятные ощущения.

Ксюша усмехнулась, вспомнив Настю Венчур. Неприятные ощущения? Она не заметила. Это скорее сейчас были неприятные ощущения — из-за того, что она так и не поела. А теперь и не поест...

— То есть, ты не пообедала? — уточнил Виктор напряжённым голосом.

— Да. Не пообедала.

— Тогда сходи, купи себе что-нибудь в автомате, — произнёс начальник уже скорее раздражённо.

— Не могу. У меня налички нет.

Ответив так, Ксюша подумала, что вопрос исчерпан, и погрузилась в работу. Но оказалось, что не исчерпан...

Минуты три Виктор пыхтел, роясь в своей сумке. Потом наконец затих, но ещё через пару секунд встал и, подойдя к столу Ксюши, бросил прямо перед её носом горсть монет.

— На. Купи себе чего-нибудь, не ходить же голодной, — буркнул, и пока она переваривала информацию, вышел из редакции.

Ксюшка скривилась. Лучше бы Виктор в неё плюнул...

— Чё там? — с интересом спросила Галя, отодвигая стул и косясь на горсть монет. — А-а-а... Презренный металл. Оригинальный способ поухаживать за девушкой.

— Окстись, — Ксюша скривилась сильнее. — Начальство у нас женатое и с двумя детьми.

— Так-то оно так, — фыркнула Галя. — Только все уже заметили, что Виктор к тебе неровно дышит. Даже Вадим заметил. Да, Вадим?

— Угу, — хмыкнул со своего места Вадим — второй и последний мужчина в их редакции. — Тут и слепой заметит.

— Всё, — отрезала Ксюша, отодвинув монеты на край стола. — Хватит. Не желаю ничего слушать. Мне до этого дела нет.

— Ну конечно, — протянула Галя. И понизила голос так, чтобы слышала только Ксюша: — Дала бы мужику, он бы хоть угомонился...

— Я щас тебе дам. В лоб.

— Молчу-молчу... Но блин, Ксюнь! Он же тебя доведёт до ручки. В смысле писать придётся по собственному...

— Ну и напишу, — пожала плечами Ксюша. — Судьба, значит, такая. Всё, Галь, не мешай, мне тут вёрстку прислали, надо посмотреть.

Елецкая наконец заткнулась, а Ксюша, открыв присланный файл, уставилась на титульный лист невидящими глазами.

Оказывается, все уже заметили... А она-то надеялась, что ей это только кажется, и начальник просто немного чудит.

И монеты... Покупать на них ничего не хочется, а не купишь — обидится ещё, и совсем сгнобит. Вздохнув и так и не решившись ни на что, Ксюша спрятала деньги под листочком бумаги. Авось, пронесёт, и Виктор не спросит ни про

них, ни про несостоявшийся обед.

*

На сей раз ей повезло — начальник молчал, и Ксюша спокойно доработала день. А ровно в шесть вечера, улучив момент, когда Виктор разговаривал по телефону, убежала домой.

В принципе, то, что она не успела пообедать, даже к лучшему. Через неделю Стася, лучшая подруга Ксюши, выходила замуж, и девушка изо всех сил копила деньги ей на подарок. Почти пятнадцать тысяч уже накопила... Для неё это была непосильная сумма, но всё же она справилась.

Последние четыре года, прошедшие с момента окончания института, Ксюша жила на съёмной квартире. Точнее, снимала она не квартиру, а комнату в квартире с хозяйкой. На это уходила треть зарплаты. Примерно одну четвёртую часть дохода Ксюша отправляла родной бабушке в Чебоксары — на жизнь и лекарства. А на оставшиеся деньги пыталась жить...

Она никогда не жаловалась и даже ни с кем не делилась трудностями, в том числе и с бабушкой. Той и так пришлось несладко после того, как умерли Ксюшкины родители. Бабушка тогда перенесла тяжёлый инсульт, но переезжать в Москву к внучке под бок отказалась категорически. И Ксюша периодически безбожно врала бабуле, утверждая, будто всё в порядке и она вполне счастлива. Не желала тревожить. И конечно, бабушка даже не подозревала, что случилось с её

любимой внучкой восемь лет назад.

*

В квартире вкусно пахло какой-то едой, и Ксюшкин желудок, совершенно изголодавшийся за рабочий день, жалобно сжался.

Она повесила ключи на крючок в коридоре, поставила сумку на банкетку и, переобувшись в домашние тапочки, посеменила на кухню.

— Хорошо, что ты уже пришла, — весело сказала Инна Васильевна, стоя возле скворчащей плиты. — А я вот котлеток как раз нажарила. Будешь? С чесночком.

Вообще-то готовила Инна Васильевна не очень, по крайней мере на Ксюшкин вкус. Ксюша не любила ничего жареного или жирного, и чеснок не слишком уважала, а вот её квартирная хозяйка наоборот. Но сейчас девушке просто очень хотелось есть, и было всё равно, что именно закидывать в себя.

— Буду. Только руки помою.

— Это правильно... А я пока пюрешечку сделаю.

Пюрешечка... Боже, какое это, оказывается, вкусное слово.

На первых порах, начиная жить с Инной Васильевной, Ксюша с трудом её выносила. У женщины был явный прогрессирующий климакс, и как следствие, отвратительный характер. Она терпеть не могла громких звуков, не разрешала водить гостей, ворчала, если Ксюша приходила домой поз-

же девяти вечера, и неважно, по уважительной причине или нет. Да и в целом была раздражительной особой.

Через полгода подобной жизни Ксюша решила съехать, и была крайне поражена, наткнувшись на сопротивление со стороны Инны Васильевны. Той, как оказалось, нравилась её квартирантка, и она не хотела, чтобы Ксюша уезжала. Пообещала вести себя скромнее и даже снизила плату. Правда, гостей водить всё равно не разрешала. Но Ксюше и не особенно были нужны эти гости. Куда их водить-то? В эту старую полуразвалившуюся квартиру? Да и... друзей у неё было не так уж и много.

А ещё через полгода Ксюша и Инна Васильевна почти подружились. С тех пор так и существовали — в какой-то странной, недоступной для других людей гармонии. Но наверное, после подобных ситуаций все сближаются. Трудно не сблизиться...

Ксюша тогда решила дать шанс одному ухажёру. Подумала: четыре года была затворницей, может, хватит? И ответила на ухаживания приятного молодого человека по имени Григорий, с которым познакомилась в холле офиса и который с тех пор стал подсаживаться к ней на обед.

Гриша работал двумя этажами ниже и был действительно приятным в общении. Одно свидание, другое, третье... На четвёртом он не выдержал и стал недвусмысленно настаивать на сексе. «Мне нужно время», — сказала Ксюша серьёзно, и ей показалось, Гриша понял. Увы...

На восьмом свидании, выпив чуть больше положенного и взявшись проводить её до дома, Гриша вновь завёл разговор об их отношениях в горизонтальной плоскости. Ксюша ответила то же, что и раньше. Гриша замолчал, нахмурившись, а позже, когда они подошли к Ксюшкиной квартире и она открыла входную дверь, вдруг впихнул девушку внутрь, процедив: «Ну хватит уже кобениться».

И неизвестно, чем бы дело закончилось, но, услышав шум, из кухни вышла Инна Васильевна. Сразу поняв, кто тут виноват, она долго размышлять не стала — схватила скалку и треснула Гришу по голове. Не сильно, но ему хватило, чтобы отпрыгнуть от отчаянно сопротивляющейся Ксюшки и зашипеть.

— А ну! — Инна Васильевна грозно потрясла скалкой перед носом у парня. — Сдриснул отсюда! И чтобы больше я тебя здесь не видела!

Повторять дважды не пришлось, убежал Гриша быстро. На следующий день попытался попросить у Ксюши прощения, но она отказалась с ним разговаривать и начала носить с собой электрошокер на всякий случай.

Вот так у неё окончательно отбили охоту встречаться с парнями...

— Ксюня! — заорала с кухни Инна Васильевна. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! Слышишь?

— Слышу, — тоже крикнула Ксюша, вытирая мокрое лицо полотенцем. Быстро взглянула на себя в зеркало. Устав-

шее бледное лицо, брови широковаты, нос длинноват, губы пухловаты, а глаза так вообще — как две дырки от пуль на лице. Чёрные, зрачков не видно. И что они все в ней находят? Грудь, что ли? Она у неё довольно большая...

— Ксюня-я-я!

— Да-да, иду...

*

Котлеты были толстенькие, пышненькие, пахнущие чесночком. И слегка подгоревшие с одного бока. Инна Васильевна скромно положила Ксюшке две штуки подгоревшими бочками вниз, и девушка, добравшись до этих мест, закопала остатки — или останки? — поглубже в пюре. Пюре выбросить можно, а вот несъеденные котлетки Инна Васильевна ей не простит.

После ужина желудок Ксюши в ужасе начал просить минералки, пришлось выпить целую бутылку «Ессентуков» и на всякий случай заесть её таблеткой активированного угля. Уголь, как и подорожник, никогда не бывает лишним.

— Я на следующей неделе в командировку, — сказала вдруг Инна Васильевна. — В Пермь.

— Далеко, — заметила Ксюша меланхолично, выкидывая опустевшую бутылку в мусорное ведро.

— Да, не близко, — согласилась хозяйка квартиры. — Неохота... Но надо.

Инна Васильевна была представительницей почти вымершей ныне профессии «инженер». В командировки она ез-

дила редко, но метко — неделями отсутствовала. И как бы странно это ни прозвучало, но Ксюша даже скучала по ней в это время. С Инной Васильевной было как-то веселее жить.

— Что-то ты мутная, — хозяйка квартиры прищурилась, изучая Ксюшу. — Случилось чего?

— Да так, — усмехнулась девушка, наливая чай в кружку. — У вас, Инна Васильевна, нет знакомой ведьмы?

— Хм. Я похожа на человека, у которого в подругах может водиться ведьма?

— Не очень. Но вдруг?

— Вдруг бывает только «хрюк».

— Это называется «эвфемизм», — брякнула Ксюша, опускаясь на табуретку и, наткнувшись на удивлённый взгляд Инны Васильевны, пояснила: — Когда какое-нибудь слово в фразе заменяют на другое, более нейтральное. «Хрюк» вместо «пук», например.

Собеседница оживилась.

— А если «нефритовый жезл»? Вместо сама знаешь чего.

— И это тоже. Значит, нет ведьмы? — Ксюша вздохнула. — Жаль...

— А тебе зачем?

— Да отворотное купила бы у неё.

— Интересно, — протянула Инна Васильевна. — Девушки обычно просят приворотное, а ты отворотное собираешься. Не люб ухажёр?

— Угу. И женат.

— У-у-у.

— И с детьми.

— Вот козёл! — возмутилась женщина. — Нефритовый жезл ему оторвать!

Ксюша засмеялась.

— Это без меня как-нибудь. Из меня отрыватель жезлов примерно такой же, как забиватель гвоздей.

Инна Васильевна тоже захихикала, вспомнив, как Ксюша однажды решила повесить картину на стену, но в итоге картина так и осталась неповешенной, зато сама девушка скакала по квартире, словно горная козочка, со всей дури вмазав себе по пальцам молотком. С тех пор ничего вешать или не дай боже чинить Ксюша не бралась.

— Ну а всё-таки. Чего делать-то будешь?

— Не знаю, Инна Васильевна...

— Эх, ты, — фыркнула хозяйка квартиры. — Не умеешь ты мужикам головы дурить, Ксюня. Учись, пока я жива. Найди себе мужчину, чтобы этого твоего... женатика отпугивал.

Ксюша чуть заметно улыбнулась. Она слишком хорошо представляла, чем может кончиться подобная авантюра... Виктор от неё всё равно не отстанет. И к списку поклонников можно будет прибавить предложенного «отпугивателя женатиков». Ну какой мужик откажется от добычи, если она сама плывёт к нему в руки? Правильно — никакой.

Единственный человек, которого Ксюша могла бы попросить сыграть роль своего мужчины, через неделю женится на

её лучшей подруге, и портить им подготовку к свадьбе она не собиралась.

— Спасибо, Инна Васильевна. Я подумаю.

— Ну думай, думай...

На следующий день Ксюша взяла обед с собой и есть его отправилась в офисную кофе-зону. В результате на приём пищи было потрачено всего пятнадцать минут, и придрататься начальству оказалось не к чему.

Нельзя сказать, что Виктор не пытался этого сделать. Но Ксюша была готова к атаке, и по любому его вопросу оказывалось, что она кругом молодец. И все работы в этом месяце вовремя сдаст, и на следующий месяц всё уже распланировано и отдано. Ни сучка, ни задоринки. И в конце рабочего дня Виктор, к удивлению Ксюши, сказал ей: «Молодец». Ну надо же! Может, не всё так безнадёжно?

В общем, Настя Венчур успела совершенно вылететь из Ксюшкиной головы. Но видимо, из Настиной головы Ксюша вылететь не успела — ребёнок позвонил сам ближе к шести часам вечера.

— Привет! — её жизнерадостный голос, как показалось Ксюше, был слышен на всю редакцию. — Ну как? Ты освободилась?

— Пока нет, — ответила девушка, покосившись на часы в углу монитора. — Ещё двадцать минут примерно.

— Ага! Тогда я тебя в холле первого этажа подожду, — заявила Настя и отключилась.

Вот тут-то и выяснилось, что нет — безнадёжно.

— А куда это ты собралась, Ксюш? — громко спросил Виктор со своего рабочего места. — Ты мне сегодня вечером понадобишься.

Галя рядом хихикнула. Да уж, прозвучало это двусмысленно.

— Для чего я тебе понадоблюсь? — поинтересовалась Ксюша, чуть слышно вздыхая. Началось в колхозе утро... то есть, в редакции вечер.

— Я хотел с тобой план обсудить.

— План? — девушка нахмурилась. — Но я же тебе по нему всё сказала ещё полдня назад.

— Перспективный, — ввернул Виктор, и Галя опять хихикнула. Ксюша хмуро на неё посмотрела: ничего, мол, смешного. Все знают, что перспективку можно вечно обсуждать, хоть весь вечер, ночь и ещё следующий рабочий день. Перспективка — она как Вселенная или человеческая глупость. Бесконечна.

— Может, завтра? Не убежит же.

— Нет, сегодня, — отрезал Виктор. Больной...

— Сегодня я не могу. Предупредил бы заранее. Я о встрече договорилась, отменить не получится.

Скрип начальственных зубов разнёсся по редакции. Галя Елецкая, трясаясь от беззвучного хохота, упала на стол, а сидевший напротив Ксюши Вадим красноречиво вытаращил глаза.

— Ксюша. Так дела не делаются, — процедил Виктор. Она

кивнула.

— Согласна. Но я всё равно сегодня не могу, извини.

— Да ладно тебе, Виктор, — подала голос Ольга Алексеевна, высовываясь из-за своей баррикады с лукавой улыбкой. — Я останусь, со мной сегодня обсудишь. А с Ксюшей завтра. Ничего же страшного, правда?

Перечить Ольге Алексеевне было трудно, да и чревато последствиями, поэтому начальство сдулось и нехотя согласилось.

Значит, казнь презренной Ксении Мартыновой назначена на завтра. Что ж... без боя она всё равно не сдастся.

*

Сияющая и счастливая Настя Венчур ждала Ксюшу внизу, уткнувшись в айфон со стразами.

— Привет, — сказала Ксюша, подходя к девчонке. Та подняла голову от телефона и сразу заулыбалась шире.

— Привет!

— Куда пойдём? Можно в «Гринфуд», это хорошее такое кафе неподалёку...

— А у меня тут появилась идея! — воскликнула Настя, хватая Ксюшу за руку. Девушка чуть вздрогнула, напрягшись: в нормальные идеи подростка верилось с трудом. — А давай пойдём ко мне!

— К тебе?..

— Ну да! Тут недалеко, на 54 этаже.

Ксюша нервно хихикнула.

— Высоковато...

— Нормально! — отрезала Настя. Видимо, боязнь высоты она не страдала. — Пошли? А пиццу на дом закажем!

«К подобной квартире больше подойдёт лобстер. Или чёрная икра», — подумала Ксюша. В любой другой ситуации она бы отказалась, но уж больно было интересно посмотреть, как выглядит квартира на 54 этаже бизнес-центра, где она работает. Какой дурак откажется от подобной возможности? Всё равно что в апартаменты Путина попасть.

— А я там никому не помешаю?

— Не-а, — фыркнула Настя. — Папа на работе ещё. Давай, идём!

— А...

Но договорить Ксюша не успела. Ребёнок схватил новую знакомую за руку и потащил к лифтам. Не к тем, в которых обычно ездила Ксюша, а к другим, ведущим в жилые помещения здания.

— Слушай... а что ты вообще вчера в офисном лифте делала? — удивлённо спросила девушка. — На нём же к тебе в квартиру не доедешь...

— В квартиру нет, — пожалала плечами Настя. — А к папе в офис да. Тут на тридцатом этаже офис его компании, он меня попросил документы одни забрать.

— Что-то я вчера не видела у тебя никаких документов...

— А они на флешке были. А флешка в кармане, — девчонка покосилась на Ксюшу и засмеялась. — Ты прям как

Шерлок Холмс!

— Я скорее Эркюль Пуаро.

— Это почему?

— Потому что маленький и пухленький.

— Пухленький? — Настя оглядела её с ног до головы. —

Да ну, нет. Знаешь, на кого ты похожа?

— На кого? — Ксюша сразу напряглась.

Как он тогда сказал... «Жирная овца», точно. Теперь уже не жирная, но овца по-прежнему. В смысле кудрявая.

— Есть такая модель — Дженни Ранк. Знаешь?

— Нет. — В моделях Ксюша не разбиралась.

— А зря! Ты на неё похожа. Только ты чуть похудее, кудрявая и глаза чёрные. А так прям вот одно лицо! Только она лесбиянка. А ты?

— Э-э-э... нет.

— Это правильно! — кивнула девчонка, и тут двери лифта распахнулись.

Да-а-а... Уже в холле было так круто, что Ксюша сразу почувствовала себя маленькой и жалкой. Всё такое... в мраморе, пол как зеркало, ступить страшно. А на стенах деревянные панели декоративные, мозаикой выложенные.

Но рассмотреть всё Ксюшке толком не дали. Настя схватила её за руку и потащила за собой, как собачку на поводке.

Дверь была металлическая и выглядела бы вполне обычно, если бы не была настолько чистой. В их подъезде таких дверей точно ни у кого не водилось... Один раз так вообще

— рабочие пришли потолки размывать в будний день, и конечно, не предупредили об этом. В результате Инна Васильевна, вернувшись с работы, обнаружила, что её дверь из коричневой превратилась в белую. Здесь подобное, конечно, невозможно. Но тут и размывать нечего, пластик да мрамор...

— Заходи! — заявила Настя, распахивая входную дверь. Ксюша улыбнулась, чувствуя себя очень странно, и шагнула внутрь.

Тут же зажёгся верхний свет. Сенсоры, наверное... И вообще всё здесь не как у людей. И пол — снова глянцевый! — без единого пятнышка, светлый такой, почти молочный. Ну кто в прихожей делает светлый пол? Это же безумие!

И мебель кожаная, искусственно состаренная... Или это не искусственно, а на самом деле антиквариат? В общем, в любом случае лучше не садиться. Зеркало в тяжёлой витой раме. Рама металлическая, и металл похож на бронзу. Вряд ли это бронза, конечно... Впрочем, почему бы и нет...

А с другой стороны шкаф, который, как оказалось, только прикидывался шкафом. Настя что-то нажала — и дверцы разъехались. Внутри была целая гардеробная. Обычная штанга с плечиками тоже имелась, но ещё здесь были ящички и всякие разные выдвижные штуковины, увидев которые, Ксюше захотелось всё по-детски подёргать и повыдвигать. Интересно же!

Настя бросила её сумку на большую кожаную банкетку,

находящуюся внутри этого шкафа, закрыла его, а потом потащила Ксюшу дальше.

А дальше было огромное пространство, и почти пустое, хоть пляши. Нет, диваны тут были, и пуфы всякие мягкие, и стол длинный у окна. И даже растения в кадках... Большие такие растения в больших кадках. Но от того, что стены здесь были стеклянные, помещение казалось каким-то бесконечным.

Наверное, истинный рай для клаустрофоба. А вот Ксюше было не по себе... У неё, видимо, какая-то другая фобия.

— Здорово, правда? — Настя восторженно обежала помещение. — Мы сюда недавно переехали, и я всё никак не налюбуюсь! Класс, да?

— Ага, — кивнула Ксюша. Ей здесь совсем не нравилось, но не обижать же ребёнка? Тем более что это просто личный вкус каждого человека.

Единственное, что оказалось Ксюше по душе — деревянный пол, по которому сразу захотелось походить босиком, и сама мебель. Она была строгая, не вычурная, без всяких глупостей вроде позолоты или резных прикамбасов. Очень красивого орехового оттенка.

— А пошли, я тебе кухню покажу! Там ваще-е-е!

Да... там действительно оказалось ваще-е-е. Чёрные блестящие шкафы без ручек — интересно, как их открывать? — белая столешница, белая же барная стойка, очень длинная, а перед ней высокие барные стулья, тоже чёрно-белые.

Если бы не небольшая красная вазочка, стоявшая на столе, Ксюша подумала бы, что попала в чёрно-белое кино.

Холодильник, кстати, тоже был чёрный, блестящий, и без всяких магнитиков. Поневоле вспомнишь все виденные прежде, облепленные магнитиками из разных концов света... Но лепить магнетики на подобный холодильник казалось Ксюше кощунством. Слишком уж он хорош сам по себе. А ещё в него можно было смотреться, как в зеркало, так он блестел.

— Здорово, да? — Настя восторженно прыгала по кухне.
— А ещё я тебе сейчас покажу-у-у-у такую штуку...

Но показать она ничего не успела — неожиданно у девчонки зазвонил телефон. И она, вынув из кармана джинсов свой айфон, поглядела на экран и сказала Ксюше:

— Подожди меня тут! Я ненадолго. Важный звонок!

Потом Настя куда-то убежала, а Ксюша, подумав, села на барный стульчик. Почему бы и нет? Выглядели они совсем не антикварно, хотя наверняка стоили больше её месячной зарплаты.

Ксюша посмотрела на столешницу прямо перед собой. Белая, и опять же глянцевая, ни пятнышка. Девушка осторожно дотронулась до поверхности пальцем — остался чуть видный след. Усмехнулась, сочувствуя уборщицам этого интерьерного чуда.

А потом услышала быстрые решительные шаги... и это явно была не Настя.

У Игоря был тяжёлый день, поэтому дома он собирался просто быстренько поесть и лечь спать — завтра денёк предстоял ничуть не легче.

Увидев в прихожей чужую сумку, он мысленно понадеялся, что Настя просто купила себе обновку, но, присмотревшись, заметил потёртости. Да и вещь была совсем не в стиле его дочери, слишком уж простая, строгая и... дешёвая.

Так что, заходя на кухню, Игорь был готов ко встрече с очередной «таинственной незнакомкой». Точнее, он думал, что готов.

Сидящая на барном стульчике девушка походила на всех прочих Настиных «подружек» так же, как оперная певица походит на звезду какого-нибудь молодёжного телеканала.

Явно не слишком высокая, с вьющимися волосами цвета тёмного шоколада и спокойными чёрными глазами, она на секунду заорожила Игоря. Потрясающая красота, не яркая, но глубокая, природная, неспорченная.

Ну да, неспорченная — девушка была практически не накрашена. Да и одежда... джинсы и простая голубая футболка с абстрактным принтом. Не вызывающе, не пошло, не соблазнительно. Хотя... нет, соблазнительно. Джинсы обтягивали пышные бёдра, а футболка подчёркивала полную грудь. Впрочем, она так в любой одежде будет выглядеть...

— Добрый вечер, — поздоровалась девушка первой, вставая со стула. — Прошу прощения...

Боже, какой голос. Она должна шикарно петь.

Игорь внезапно разозлился на себя. Какое «петь»? Совсем сдурел.

— Ладно, — вздохнул он, подходя чуть ближе, и возвышаясь над девушкой, как жираф над котёнком. — Извините, я ужасно устал. Поэтому давайте, выкладывайте, что вам от меня нужно, и уходите поскорее. А я подумаю над вашим предложением.

Она молчала, задумчиво его разглядывая. А потом вдруг негромко рассмеялась.

Когда он вошёл, Ксюша даже немного испугалась. Встретаться с Настиним отцом — а кто ещё это мог быть? — у неё не имелось никакого желания. Но раз уж они встретились, она хотя бы постарается не ударить в грязь лицом.

В этом мужчине, как и в Насте, Ксюша сразу увидела человека не своего круга. Дорогой тёмно-синий костюм, белая рубашка, галстука нет. Очки в чёрной оправе, тёмные волосы, седые виски. И лёгкая небритость, которая ему только шла.

Интересно, сколько ему лет? И почему лицо кажется таким знакомым...

— Добрый вечер. Прошу прощения... — сказала Ксюша, вскакивая с барного стульчика. И после этих её слов мужчина будто бы очнулся. Сделал несколько шагов вперёд — и она сразу ощутила, насколько он высокий. Вздохнул.

— Ладно. Извините, я ужасно устал. Поэтому давайте, выкладывайте, что вам от меня нужно, и уходите поскорее. А я подумаю над вашим предложением.

Что?..

Ксюше захотелось затрясти головой, чтобы упорядочить мысли, но это было не совсем прилично, и она сдержалась.

Несколько секунд никак не могла сообразить, что ей сейчас сказали, а когда сообразила...

Бедный. Видимо, подобное частенько случается. Приходишь ты домой, а тут неизвестная девица на кухне, которая чего-то от тебя хочет. Значит, это он ещё вежливо с ней разговаривал. Инна Васильевна обязательно ввернула бы что-нибудь типа: «А ну, сдриснула отсюда!»

Вспомнив квартирную хозяйку и её любимое словечко, Ксюша рассмеялась, и взгляд мужчины наполнился удивлением.

— Извините, — искренне повинулась Ксюша. — Я просто не сразу поняла, что вы имели в виду, а когда поняла... Я вам сочувствую, правда. Вы ошиблись, мне ничего не нужно от вас. Я сейчас же уйду, чтобы не мешать. Только... я не знаю, как открыть входную дверь. Выпустите меня?

Он рассматривал её лицо, и когда взгляд ненадолго задержался на губах, Ксюша почувствовала, что краснеет. Странно, с чего бы? Во взгляде этого мужчины не было ничего пошлого.

— Не нужно? — переспросил он с задумчивостью. — Тогда кто вы?

— Меня зовут Ксения. Я вчера застряла в лифте с Настей, сегодня мы договорились встретиться и...

Ксюша не договорила — мужчина внезапно расслабился, словно наконец разрешил мучавшую его загадку, и даже улыбнулся.

— Точно. Теперь я вспомнил, она ведь рассказывала. И разрешения спросила, можно ли вас в гости привести. Забыл, извините.

— Ничего, — ответила Ксюша вежливо. — Но я всё же пойду.

— Почему? — он поднял брови. — Оставайтесь. А где, кстати, Настя?

— У неё телефон зазвонил, и она ушла. Сказала, важный звонок.

— Ну да, важный, — мужчина фыркнул. — Это подружка её школьная, она сейчас в Крыму отдыхает. Каждый день перезваниваются, по часу болтают. Небось, забыла про вас... А вы садитесь, не стойте. Вина хотите?

— Нет, — Ксюша помотала головой и в третий раз повторила: — Я пойду, вы же устали...

— Ерунда, — он взял девушку под локоть и усадил обратно на барный стул. — Вам красного или белого?

— Да не надо...

— А может, мартини?

И тут Ксюша потеряла дар речи. Мужчина, взяв в руки невесть откуда взявшийся пульт, нажал на нём какую-то кнопку, после чего одна из стен отъехала в сторону, явив внутри себя нишу, заполненную разнообразными бутылками и бокалами. Ниша была с ярко-голубой подсветкой, и выглядело всё это настолько потрясающе, что Ксюша даже чуть приоткрыла рот.

— О-ох... Красота...

— Да, неплохо, — усмехнулся новый знакомый. — Ну, так что? Ещё коньяк есть. Но это вы, наверное, не очень любите. Давайте, я вам белого вина налью? Оно сладенькое и слабенькое, вам наверняка понравится.

— Наверняка, — улыбнулась Ксюша. — Тем более что я в винах вообще не разбираюсь.

— Зато я разбираюсь.

Он открыл бутылку, и она внезапно вспомнила:

— Простите, а как вас зовут?

Мужчина удивлённо посмотрел на неё.

— Как меня зовут?.. Хм. Интересный вопрос.

Неужели? И что в нём интересного? Обычный вопрос.

— Игорь... Андреевич.

— Очень приятно, Игорь Андреевич, — кивнула Ксюша.

— А я, как я уже упомянула, Ксения.

— Значит, за знакомство, — он улыбнулся, протягивая ей бокал, внутри которого игриво дрожало прозрачно-жёлтое вино. — И спасибо, что не бросили мою дочь в том лифте.

— Не за что.

Они чокнулись, и Ксюша поднесла бокал к губам.

Секундой спустя её вкусовые рецепторы взорвались. Боже... что это?! Вкуснота-то какая... Такой солнечный вкус, одновременно и сладость, и словно свежесть цитрусов.

— Нравится? — спросил Игорь Андреевич, лукаво улыбаясь, и Ксюша кивнула.

— Очень. А что это?

— Гевюрцтраминер. Французское.

— Ге... — она запнулась. — Нет, вряд ли запомню.

«Да и зачем мне запоминать? Совершенно лишняя информация с моими-то доходами».

— Я больше люблю сухое вино. Но женщины, я знаю, предпочитают полусладкое или даже сладкое. А винограда хотите? Или сыра?

— Нет, спасибо. Не буду вас утруждать...

— Да мне вовсе не трудно.

— Нет-нет, не надо, — поспешила сказать Ксюша, понимая, что сейчас он ещё и сыр с виноградом достанет. — Я ничего не хочу, спасибо.

Игорь Андреевич понимающе кивнул.

— Стесняетесь.

— Конечно, — не стала отрицать Ксюша, и он, кажется, удивился этому факту. А что отрицать? И так же понятно. — Спасибо вам за вино и гостеприимство, но я пойду. Только... — она на секунду запнулась, раздумывая: спросить или нет. А, ладно. Спросит. — Я хотела узнать кое-что...

— Что? — мужчина словно насторожился.

— Да ничего страшного, — она усмехнулась. — Просто мне всегда было интересно, как в таких квартирах с ванными. Тут же стены — это окна. Шторки вешают?

Игорь Андреевич встал с барного стульчика, отставил бокал и подал Ксюше руку.

— Пойдёмте, покажу.

Она сжала его ладонь и, соскочив на пол, вдруг оказалась как-то слишком близко к этому мужчине. Резко втянула носом воздух — пахло от Игоря Андреевича приятно, свежим таким мужским парфюмом, — и вскинула голову, всматриваясь в глаза за стёклами очков.

Серо-голубые. Обычные.

— А у Насти глаза зелёные, — сказала неожиданно даже для самой себя. Он улыбнулся уголками губ, тоже изучая лицо гостьи.

— Настя похожа на свою мать. В том числе и глазами.

— А... простите... где её мать?

— Умерла два года назад, — ответил Игорь Андреевич просто, и Ксюша, опомнившись, отпустила его ладонь, которую, как оказалось, до сих пор сжимала.

— Ох, извините.

— Ничего. Насте тогда пришлось очень тяжело, и клаустрофобия тоже в то время появилась. Я поэтому и решил на приобретение этой квартиры, очень уж ей нравилось в моём офисе... А вам как здесь, Ксения? Комфортно?

— Нет, — ответила она честно. Не смогла соврать.

— Понятно, — он засмеялся. — Мне тоже, по правде говоря. Слишком высоко. И всё время хочется открыть окно, но это невозможно.

— А сколько Насте лет? — спросила Ксюша, дивясь собственной смелости. А ещё она по-прежнему стояла слишком

близко — её грудь практически упиралась в его рубашку.

— Тринадцать. Через пару месяцев исполнится четырнадцать.

— А... вам?

Это уж совсем наглость, конечно. Но Игорь Андреевич, кажется, не обиделся.

— Пятьдесят один.

Ксюшу отчего-то бросило в жар.

— Вы... моложе выглядите... — она сглотнула слюну, ставшую неожиданно вязкой и горьковатой.

— Спасибо, — он засмеялся. — А вам сколько лет, Ксения?

— Двадцать пять.

И даже неловко стало за эту свою молодость.

— Четверть века. А мне чуть больше половины века, — пошутил Игорь Андреевич. — Совсем иначе звучит, правда?

— Правда. Ужасно звучит, если честно.

— Да. Это любопытно, ведь цифры-то одни и те же... Но мы с вами, Ксения, заболтались. Пойдёмте ванную посмотреть.

— Это не мы заболтались. Это Настя заболталась, — пробормотала Ксюша, когда её новый знакомый отошёл на шаг дальше и протянул руку, пропуская девушку вперёд.

— Точно, — Игорь Андреевич фыркнул. — Но... — он посмотрел на часы, светящиеся на кухонной плите. — Ещё минут пятнадцать, не больше. А потом Настя будет до-о-олго перед вами извиняться.

— Так, может, мне уйти сейчас? Пока не поздно...

— Нет уж. Вы ещё ванную не посмотрели и вино не допили.

— Если я допью вино, в ванную дорогу я точно не найду, Игорь Андреевич.

— Ничего-ничего, — рассмеялся он. — Я провожу... Ксения.

Игорь всё время ловил себя на мысли, что ему хочется прикоснуться к этой девушке. Нет, ничего такого — просто потрогать волосы, кожу на щеке, дотронуться до губ. И в то же время что-то внутри него противилось этому чувству, словно он был грязью, о которую Ксения могла испачкаться.

— Здесь три ванны, — объяснял Игорь, шагая по квартире вместе с девушкой. — Но они похожи, поэтому я отведу вас в самую большую. Остальные в центре квартиры, там никаких окон нет. А тут есть.

Он распахнул дверь, впуская Ксению внутрь ванной комнаты. Тут же включился свет и заработал вентилятор.

Ксения с интересом оглядывалась по сторонам, особенное внимание уделив той самой белой шторке возле окна. Белой, правда, здесь была не только шторка, а вообще всё, исключая только огромное зеркало во всю левую стену — у него была чёрная рама.

— Боже, какая ванна... — прошептала Ксения очень тихо, но Игорь услышал.

— Какая? — не понял он.

— Большая, — она улыбнулась, оборачиваясь. Глаза её светились только любопытством — и ни капли жадности или

зависти. — И угловая. Тут, наверное, даже вдвоём можно поместиться...

Осознав, что сказала, Ксения резко покраснела, а Игорь не смог удержаться от улыбки.

— Думаю, можно. Но я не пробовал.

Девушка опустила голову, явно пытаясь справиться со смущением, и он решил её немного отвлечь.

— Скажите мне, Ксения... Вы, наверное, редко смотрите телевизор?

Она, кажется, удивилась.

— Да, — кивнула. — Даже не помню, когда в последний раз смотрела.

— Я так и понял. Иначе вы не спрашивали бы, как меня зовут. Тем более уже после того, как пришли в мой дом.

Девушка нахмурилась.

— Извините, если я сделала что-то неприличное. Я не очень понимаю...

— Ничего неприличного, что вы. Просто я иногда... мелькаю в телевизоре. И информацию про меня можно было найти в интернете. Но вы к встрече не подготовились.

Ксения рассмеялась.

— Это всего лишь встреча, а не какой-нибудь экзамен! Простите, что не подготовилась.

Игорь фыркнул.

— Прощаю. А вы кем работаете, Ксения?

— Я редактор. Самый обычный книжный редактор, — от-

ветила она, улыбаясь. — Занимаюсь детской и подростковой литературой. Ну, в основном. А... вы? Кроме того, что мелькаете в телевизоре... Вы же по какой-то причине там мелькаете?

— Это бывает редко. А по какой причине... Я продюсер. Брови девушки поползли вверх.

— А-а-а, теперь понятнее... — она подошла ближе и встала рядом, вглядываясь в его лицо. — Да, наверное, я действительно вас где-нибудь видела однажды. Вы...

Ксения не договорила. За дверью раздался чуть приглушённый, но тем не менее громкий вопль Насти:

— ПА-А-А-П!

Ксения резко вздрогнула и подпрыгнула от неожиданности, а Игорь, дёрнувшись, рывком прижал её к себе, то ли побоявшись, что она упадёт, то ли... что-то ещё.

Его как кипятком окатило. По телу прошла волна чего-то жаркого, невыносимо горячего. И захотелось прижать Ксению ещё сильнее, вжать в себя, сделать своей.

Игорь выдохнул, не спеша выпускать девушку из объятий, а она не вырывалась, замерла, как дикий настороженный зверёк. И смотрела на него глазами, полными смятения.

— Простите, — шепнул Игорь и осторожно погладил Ксению по спине одной рукой.

— ПА-А-А-П! — надрывалась Настя уже чуть дальше.

— Н-нничего, — ответила девушка. — Надо выйти, а то она там... волнуется.

— Надо, — кивнул он, разжимая руки. — Пойдёмте.

Ксения улыбнулась, открыла дверь и шагнула за порог, а Игорь последовал за ней.

— Ой! — воскликнула Настя, увидев Ксюшу в компании отца. — Как здорово, что ты ещё не ушла! Я... извини, пожалуйста! Лиза там с мальчиком познакомилась, так интересно...

Настя чуть покраснела, опустила голову и смущённо посмотрела не столько на свою гостью, сколько на отца.

— В общем... я облажалась, да, пап?

— Точно, Настюш, — кивнул Игорь Андреевич с лукавой улыбкой. — И нет тебе прощенья! Так что теперь ты моя должница. Пока ты болтала по телефону, я Ксению развлекал. В следующий раз, когда к нам в гости придёт Михаил Леонидович и я отойду поговорить, ты останешься его развлекать.

— Не-е-ет! — ребёнок комично закрыл лицо руками и завыл.

— Да-да, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Долг платежом красен.

— А что... — осторожно протянула Ксюша, боясь, что лезет не в своё дело. — Этот Михаил Леонидович... такой неприятный тип?

— Да нет, — засмеялся Настин папа. — Нормальный он тип, весёлый даже. Просто Настя его побаивается.

— Он странный. Мне кажется, он сумасшедший, — нахмурилась девочка.

— Он не сумасшедший, просто креативный. Михаил — креативный продюсер моей компании, — пояснил Игорь Андреевич, обращаясь к Ксюше. — Да, он странноват, но ему цены нет в том, что касается работы. Очень талантливый парень.

— Он не парень, он дядечка! — фыркнула Настя.

— Это для тебя он дядечка, — улыбнулся Игорь Андреевич. — А для меня парень. Я ему в отцы гожусь.

Ксюшу вновь бросило в жар. Что же это такое?!

— Всё относительно. Ты для меня ребёнок, а для какой-нибудь трёхлетней девочки — тётенька.

— Ла-адно, — протянула Настя. — Так... я заказываю пиццу или нет?

— Пиццу? — Игорь Андреевич поморщился. — Нет, спасибо, я хочу нормально поужинать, с утра на ногах, маковой росинки во рту не было. Ксения, вы рыбу едите? А то Настя у нас предпочитает непрожаренные стейки...

— Нет-нет! — испуганно вздрогнула Ксюша. — То есть, ем, да, но я пойду уже...

— Вы куда-то торопитесь?

Удивительный человек.

— Нет. Просто не хочу вам мешать.

— Ты не помешаешь! — воскликнула Настя, а Игорь Андреевич просто улыбнулся и сказал мягко, но настойчиво:

— Конечно, вы не мешаете, Ксения. Мне будет приятно, если вы поужинаете с нами. А потом мой шофёр отвезёт вас домой.

— Шофёр? — голос получился похожим на писк. — Не надо шофёра! Я сама доеду. Метро же ещё работает...

Он даже не ответил ничего, только качнул головой.

— Значит, рыбу будете? Красную или белую больше любите?

— Вы серьёзно? — выдохнула Ксюша, наблюдая за Настей, которая, напевая, доставала из холодильника упаковку с соком.

— Абсолютно серьёзно. Перестаньте смущаться уже, ведь я сам вас пригласил, а не вы навязались. Ну, так что насчёт рыбы?

«А какая дешевле — белая или красная?.. Обычно-то белая, но он же наверняка необычную будет заказывать...»

В магазине, куда обычно ходила за покупками Ксюша, никакой красной рыбы сроду не водилось. Там продавали только замороженную треску или филе тилапии, которые на вкус почти не отличались друг от друга.

— Красную, — неуверенно ответила Ксюша, и Игорь Андреевич кивнул.

— Прекрасно. Садитесь пока за стойку, а я пойду позвоною и всё закажу. И вино допейте. Не выливать же его? — он

озорно и немного по-мальчишески улыбнулся, а потом вышел из кухни.

*

Говоря «рыба», Игорь Андреевич сильно преуменьшал. Мало того, что там кроме рыбы был гарнир, так ещё и салаты какие-то, и закуски. И принесли всё быстро, даже часа не прошло.

«Время — деньги», — подумала Ксюша, накалывая на вилку кусочек сёмги. Этот самый кусочек просто таял во рту, ей даже захотелось проглотить его вместе с вилкой...

А ещё было стыдно. Вот за этот детский восторг, за то, как она наслаждалась едой, понимая, что это её последний шанс попробовать нечто подобное. Словно какой-то крестьянин, дорвавшийся до продовольственных запасов помещика.

А после Ксюше стало ещё стыднее, потому что Игорь Андреевич, презентуя салат, сказал, что он с крабовым мясом, и она обрадовалась.

— Ой, я тоже люблю салат с крабовыми палочками.

Настя хихикнула, а её папа, даже не усмехнувшись, пояснил:

— Ксения, это с настоящим крабовым мясом салат. Не с палочками.

— С настоящим? — протянула она растерянно, и мужчина кивнул.

— Да, попробуйте. Может, понравится.

Ей понравилось. Сладковатая мякоть, совсем не похожая

на имитацию крабового мяса из обычного продовольственного магазина. Действительно очень вкусно... как и всё на столе.

Игорь Андреевич пытался налить Ксюше ещё вина, но она отказалась, отговорившись, что быстро пьянеет, а завтра на работу.

Настя хихикала, рассказывая про школу, подружку Лизу и танцы, её папа мягко улыбался, иногда осаждая дочь, когда она начинала слишком уж тараторить, и всё было бы хорошо, если бы Ксюше не было настолько неловко. Она чувствовала себя бомжом, внезапно попавшим в парфюмерный магазин, где в окружении дорогих и вкусно пахнущих духов тебе начинает казаться, что ты пахнешь ещё хуже, чем раньше.

Конечно, в её случае дело не в запахе, а просто в ней самой. Ксюша была лишней в этой квартире, она не принадлежала этому месту. Девочка с двумя парами джинсов — летними и зимними — и только одной парой зимних сапог не должна сидеть на кухне квартиры, чья стоимость больше, чем зарплата за всю её будущую жизнь.

И когда ужин закончился, Ксюша даже почувствовала облегчение.

— Погодите ещё двадцать минут, Ксения, — сказал Игорь Андреевич, взяв в руку свой телефон. Не айфон, но тоже что-то подобное. — Я вызову шофёра.

— Не надо шофёра, — она замахала руками. — Сейчас только десять вечера, я прекрасно доеду на метро.

— Вы прекрасно доедете и в моей машине, — ответил мужчина, и Ксюша неожиданно даже для самой себя повысила голос.

— Нет! Не прекрасно! Пожалуйста, не надо!

Несколько секунд Игорь Андреевич смотрел на неё с недоумением, а потом улыбнулся и всё же отложил телефон. И Ксюша уже почти вздохнула с облегчением, когда он вдруг произнёс:

— Тогда я вас сам отвезу.

Час от часу не легче.

— Не надо. Отдыхайте, я совершенно не желаю вас утруждать, вы кучу времени на меня потратили. Мне и так неловко.

Игорь Андреевич уже открыл рот, намереваясь что-то сказать, но его перебила Настя, вдруг заявив:

— Пап! А тебе не кажется, что Ксюша прекрасно подошла бы на роль какой-нибудь ведущей в телепередаче? Она такая красивая!

Ксюша испуганно выдохнула.

— Нет. Не надо! Я не хочу!

Игорь Андреевич засмеялся, и Настя тоже захихикала.

— Ты так смешно пугаешься! А почему не хочешь? Это же круто!

— Наверное, — она смущённо покосилась на улыбающегося папу девочки. — Но не для меня. Вот Джеймс Кэмерон, например, в Марианскую впадину спускался. Для него это

круто, а я бы со страху сдохла там в батискафе.

— А... — начала Настя, но Игорь Андреевич её перебил:

— Ладно, Ксения, уговорили. Я вам такси вызову. Такси пойдёт?

— Пойдёт, — выдохнула девушка, расслабляясь. Ура! Такси — не шикарная машина с личным шофёром. Такси как-то ближе к её реальности. — Спасибо большое.

— Не за что. Только адрес мне скажите.

— Зачем? — Ксюша опять напряглась, но тут же расслабилась, поняв, какую глупость сморозила.

— Для таксиста, конечно, — ответил Игорь Андреевич, засмеявшись.

Да... наверное, она славно развлекла его в этот вечер. Милая и глупая девчонка, которая не умеет отличать на вкус форель от сёмги. Настя как раз за ужином хвасталась об этих особенных умениях своего папы.

Ладно. Зато она умеет многое другое. Хотя состояние себе на этих умениях не заработаешь... Предынфарктное если только.

У Игоря было какое-то странное послевкусие, оставшееся от встречи с Ксенией. И он никак не мог понять, в чём же дело. Ведь ничего особенного, просто юная девушка, совершенно неисторченная. Он уже и забыл, что такие бывают.

Но деньги меняют людей, и Ксения наверняка изменится, если выйдет замуж за богатого мужчину. Познакомить её, что ли, с Михаилом?..

Нет. Ни с кем он её не будет знакомить. Пусть неисторченное останется неисторченным.

— Пап!

Настя стояла на пороге его комнаты и чуть хмурилась, глядя на отца.

— Да, котёнок?

Игорь называл так дочку только когда они были наедине. При посторонних она уже смущалась. Взрослела...

— Тебе она понравилась, да?

Он молчал несколько секунд, думая, как ответить.

— Конечно, котёнок. Хорошая девушка.

— Пап! — Настя насупилась сильнее. — Мама... она была бы не против. Она же говорила!

— Я знаю.

— Ну! Так что же ты! Ладно ещё, остальные три, которых я приводила... Они и правда были не очень.

Игорь засмеялся, качая головой.

— Настя... Не надо никого приводить. Я же у тебя взрослый, сам разберусь.

— Знаю я, как ты разберёшься! — Она даже ногой топнула. — Работа-дом-работа-дом! Я ещё и тебя потерять не хочу! Отвлекись немножко, ну! Она же тебе понравилась, пап!

— Настя... — он вздохнул, усмехаясь. — Милая ты моя... Ты знаешь, сколько ей лет?

— Не, — дочка помотала головой. — Я знаю только, что она красивая и хорошая. И тебе понравилась.

— Ох, котёнок... Я её старше на две тебя. Двадцать шесть лет разницы — это много.

— Ну и что! Не наоборот же! Наоборот гораздо хуже! Почему Пугачёвой с Галкиным можно, а тебе нет?!

Игорь расхохотался, подошёл к дочери и обнял её.

— Дурында ты...

— Я не дурында! — буркнула она ему в грудь, тяжело и почти по-взрослому вздыхая. — Я просто хочу, чтобы ты был чуть счастливее. Сегодня ты был. И мне это понравилось! И маме, я уверена, тоже.

— Понимаешь, котёнок... Иногда счастье одного означает несчастье другого.

— Не умничай! Я тоже так умею, я всё-таки твоя дочь. Счастье — понятие относительное! И пока ты тут сомнева-

ешься в себе, оно относительно тебя убежит к кому-нибудь другому.

Он фыркнул.

— Пошли ей завтра цветы, — сказала Настя, поднимая голову и глядя ему в глаза. — Ты ведь знаешь теперь её адрес. Ну пожалуйста, пап!

— Хорошо, — сдался Игорь. — Пошлю.

— Ура! — завизжала Настя, кидаясь обниматься.

Закрыв входную дверь, Ксюша какое-то время стояла в прихожей, прижавшись к двери, смотрела в потолок и просто дышала. Возвращаться с небес на землю всегда немного больно, но необходимо.

— Ксюнь, это ты? — из комнаты вышла Инна Васильевна, похожая на привидение в своей белой ночнушке в пол. — Ох, боже ты мой. Случилось чего? Ты что-то бледная.

— Нет, — Ксюша улыбнулась, отлипая от двери. — Всё нормально. Так... просто. Задумалась.

— Это о чём же?

— О том, что мне должно чертовски везти в азартных играх, Инна Васильевна. Когда так не везёт в отношениях, хоть где-то это может уравниваться? Справедливо, разве нет?

— Справедливо, — фыркнула хозяйка квартиры. — Толь-

ко где её найдёшь в нашей жизни, эту справедливость? Я вот уже пятьдесят с лишним лет на свете живу, но так её и не нашла. Эх, Ксюня... Влюбилась ты, что ли?

— Наверное, да, — ответила она, прикрывая глаза.

— Ох... Иди-ка ты лучше спать, девочка. Утра вечера мудренее.

— Хорошо, Инна Васильевна, — покладисто согласилась Ксюша. — Спокойной ночи.

*

Уже в комнате она включила ноутбук и набрала в строке поиска «Игорь Венчур».

Даже статья в википедии есть... Правда, без фото, но фотографий в интернете и так достаточно. И в целом куча информации об этом человеке.

«Игорь Венчур — российский теле- и кинопродюсер, учредитель группы компаний «ИВА-Медиа» и её генеральный директор, член Академии российского телевидения, член правления Ассоциации продюсеров кино и телевидения...»

Какое-то время Ксюша ещё читала — списки проектов, награды, какие-то куски из интервью. Даже нашла пару фотографий, где Игорь Андреевич был с женой, и Настя действительно оказалась очень на неё похожа.

Но потом не выдержала и выключила ноутбук.

Не надо это читать. Всё равно ты его больше никогда не увидишь.

Теперь я знаю, как чувствовала себя Золушка, вернувшись с бала к своим половым тряпкам.

Но я не оставила на балу никаких хрустальных туфельек, и принц мой прекрасно знает, где я живу. Да и принц, честно говоря, давно уже не принц, а король. Королевы у него нет, зато есть принцесса. Прекрасная темноволосая принцесса с зелёными глазами.

В общем, это совсем другая сказка...

Правильно Инна Васильевна сказала — утро вечера мудренее. И утром, проснувшись минут за десять до звонка будильника, Ксюша думала о вчерашнем, уставившись в старый и давно пожелтевший потолок.

Может, и нет ничего? Так, показалось просто. В конце концов, она была уставшая, а тут — приятный мужчина, не совершавший никаких поползновений на её честь, и вкусная еда, и шикарная обстановка вокруг. Вот обстановка, возможно, и сыграла решающую роль? Просто ослепила её, помутила мозг, очаровала. Да, как Золушку, впервые попавшую в королевский замок.

С другой стороны, разве она раньше не видела роскоши? Родители Сашки, её хорошего друга и будущего мужа лучшей подруги, были людьми очень обеспеченными. Ксюша была в их загородном доме несколько раз и тоже впечатлялась, но... всё же это не то. Там они собирались целой компанией друзей, и еда была простая, и всё остальное тоже было проще. Красиво и богато, но не роскошно, вот в чём дело.

В квартире Игоря Андреевича было не просто красиво и богато — там было роскошно. Хотя, может, бывает ещё роскошнее? Сравнивать-то толком не с чем, только если с кар-

тинками в интернете.

Да, наверное, это и правда так. Нет никакой влюблённости, а есть только очарованность окружающей обстановкой, ослеплённость ею. Ну и, конечно, свою роль сыграло то, что Ксюша чувствовала себя рядом с Игорем Андреевичем... в безопасности.

Абсурд. Но что-то внутри Ксюши понимало, насколько этот человек привык контролировать себя и свои поступки. Это не молодой парень с бушующими гормонами, нет — взрослый мужчина, который не будет действовать напролом и не станет навязывать себя, если женщина не захочет. И это, как ни странно, придавало Ксюше уверенности.

Ей чертовски надоели все мальчишки, которые не понимали слова «нет» и его производных. И увы... но сегодня Ксюше вновь придётся встретиться с одним из таких мальчишков. Пусть Виктору уже чуть за тридцать, для неё он всё же мальчик. Хотя бы потому, что с трудом сдерживает себя в её присутствии.

Жаль, но скорее всего, действительно придётся уволняться.

*

Инна Васильевна уже встала — она уходила чуть раньше, чем Ксюша, и приходила тоже, — и копошилась в коридоре.

— С добрым утром, Ксюня! — воскликнула, нахлобучивая на макушку любимую соломенную шляпку, в которой выглядела чуднее некуда. — Я там омлетик оставила на пли-

те, доешь, если хочешь.

— Хочу, — девушка улыбнулась, кивая. — Спасибо, Инна Васильевна. А...

... И тут в дверь позвонили. Хозяйка квартиры с удивлением покосилась на звонок, потом на Ксюшу.

— Кто же это к нам явился с утра пораньше? Ну-ка, иди на кухню или обратно в комнату. Нечего тут ночнушкой отсвечивать...

Ксюша послушно юркнула на кухню и, чтобы не терять времени, врубила чайник. А из коридора между тем раздавался грозный голос Инны Васильевны.

— Ну? И чего тебе?

— Здравствуйте, я представитель компании «Флор-ист», у меня цветы для Ксении.

Ксюша от удивления даже покачнулась. Может, это кто-то адресом ошибся?

— Для Ксении? — протянула Инна Васильевна. — Ну, я за неё. Расписаться тебе где-нибудь, сынок?

— Простите, но мне надо лично...

— Обойдётся. В ванной она! Не надо смущать девушку. Я всё передам, не волнуйся. Я, знаешь ли, розами не питаюсь! Давай, где там тебе чиркнуть надо?

— Вот здесь... — сдался курьер, несколько секунд ничего было не слышно, а потом Инна Васильевна сказала:

— Всё, что ль? Ну, давай свой веник.

— Хорошего дня вам, удачи и...

— Иди, иди уже, мне на работу пора, а ещё вазу искать.

Ксюша хихикнула, входная дверь захлопнулась, а пару мгновений спустя на кухню вошла Инна Васильевна. С большим и очень красивым букетом белых роз.

Ох... Ксюша с трудом заставила себя не морщиться — она не любила белые розы с некоторых пор. Глупо, наверное... хотя кто бы смог любить эти цветы после подобного?..

— Держи! — заявила Инна Васильевна, протягивая девушке букет. — Красоту свою. Не забудь в вазу поставить и воды налить. И аспиричика добавь, так стоять будут дольше.

Не надо дольше...

— Спасибо.

— А мне-то за что? Вон, записку читай. Надеюсь, это не тот кавалер... который с детьми.

— Я тоже надеюсь, — улыбнулась Ксюша, вытаскивая из цветов открытку.

Там оказалось написано (точнее, напечатано): «С благодарностью за вчерашний вечер. И.В.»

— Хм, — фыркнула Инна Васильевна, заглядывая в открытку через Ксюшкино плечо. — И.В. Забавно. Но на всякий случай, Ксюнь — это не я тебе цветы прислала.

— В смысле? А-а-а... — девушка засмеялась. — Точно. Но тут имя и фамилия, а не имя и отчество.

Зачем Игорь Андреевич прислал ей эти цветы? Непонятно... Может, у обеспеченных людей так принято — на сле-

дующий день после знакомства с девушкой цветы ей присы-
лать?

— Ну ставь в вазу, а я пошла на работу, иначе опоздаю.
Ты вечером домой или к этому своему... И.В.?

— Да он не мой... Приду, конечно.

— Если что — звони, — хмыкнула Инна Васильевна и
вышла из кухни. Через минуту хлопнула входная дверь, а
Ксюша, поставив букет в воду, села завтракать.

*

Умывшись и одевшись, она окончательно решила — нуж-
но позвонить Игорю Андреевичу, поблагодарить теперь уже
его. И от этого решения Ксюшу начало слегка потряхивать
из-за волнения.

А может, и не надо звонить? Вдруг ему это нафиг не сда-
лось. Ну цветы и цветы, подумаешь, прислал. Не написал
же «позвоните мне» или ещё что-нибудь романтическое, да и
о романтике он наверняка не думал. Может, просто решил
сделать красивый жест, а она тут... рассуждает.

Но когда Ксюша засовывала в сумку свой мобильник, она
обнаружила смс-ку от Насти Венчур. С номером телефона и
припиской:

«Это номер моего папы. На всякий случай. Вдруг приго-
дится!»

Пригодится... да.

Боясь передумать, Ксюша нажала кнопку вызова и,
услышав первый же гудок, нервно плюхнулась на банкетку в

коридоре.

Боже. Пусть лучше он не ответит на этот звонок. Что она делает?!

— Алло.

Чёрт.

— Алло... Игорь Андреевич, это Ксения. Я не помешаю?

— Нет, Ксения, я очень рад вас слышать, — ответил он вполне тепло, и девушка сразу расслабилась. — Я сам хотел вам позвонить, узнать, понравились ли цветы, но собирался сделать это вечером.

Ох.

— Мне... спасибо вам большое, Игорь Андреевич. Очень красивый букет.

— Не за что. Но я не это хотел узнать, Ксения. Вам понравилось? Вы любите такие цветы?

Лгать не хотелось совершенно. Но не может же она сказать правду!

— Ксения?

— Понимаете... я...

— Ясно, — Игорь Андреевич рассмеялся, и так легко, будто совсем не обиделся. — Вы не любите розы?

— Не в этом дело. Я любила розы, но... кое-что случилось, и теперь я розы не люблю.

— Ксения... — Он всё смеялся. — Не расстраивайтесь вы так. Я вам другие цветы подарю. Вы какие любите?

— Не надо другие! Зачем? Очень красивый букет, мне

хватит!

— Ну а всё-таки, — Игорь Андреевич уже не смеялся, но точно улыбался. — Мне просто интересно, какие цветы вы любите, Ксения.

Она вздохнула.

— Мне альстромерии нравятся.

— Альстромерии? — переспросил он озадаченно. — Не помню даже, как выглядят.

— На лилии похожи, только мельче и не воняют. Но не нужно мне ничего дарить, правда! Мне вполне достаточно роз, тем более что они очень красивые.

— Ксения, — а теперь голос был лукавым, — когда и в каком количестве дарить женщине цветы, решает мужчина. Так что можете меня не уговаривать, я всё равно не послушаюсь.

И она не смогла не улыбнуться.

— Ладно. Тогда не буду уговаривать, а просто скажу спасибо.

— Вот и прекрасно. Хорошего дня, Ксения.

— И вам, Игорь Андреевич.

Увы, но хороший день ей, к сожалению, не светил. Виктор с самого утра пришёл на работу в ужасном настроении и явно решил испортить его заодно и всем окружающим. Причём не только Ксюше, на этот раз репрессии коснулись всех. Правда, ей досталось сильнее других, но это уж как водится.

А сразу после быстрого и почти незаметного обеда в кофе-зоне на почту пришла рассылка с сообщением о дате грядущего корпоратива — празднования двадцатилетия издательства. Торжество намечалось на пятницу, и до него было ещё три с половиной недели.

В конце письма стояло указание для руководителей редакций: собрать сведения, кто пойдёт на банкет в ресторан, а кто не пойдёт. Завизировать, оформить как служебную записку и сдать секретарю генерального директора.

— И чё, кто не пойдёт, тех уволят, что ли? — фыркнула Галя Елецкая, гипнотизируя взглядом монитор.

— Да ну конечно, — рассмеялась Ксюша. — Тогда издательства увольнять придётся.

— А зачем тогда секретарю генерального?

— Поручили что-нибудь. Составить список патриотов родных пенатов, например. А потом им премию дадут... за патриотизм и любовь к отечеству.

— Ксюша! — рявкнул Виктор. Гад, услышал всё-таки...

а ведь негромко говорила. — И кто ты у нас, патриот или дезертир?

Глупый вопрос, особенно с учётом того, что случилось на последнем корпоративе.

— Дезертир, товарищ начальник, — усмехнулась Ксюша, нутром чуя — терять ей уже нечего. — Можете записать меня в отсутствующие.

— Та-а-ак, — протянул Виктор, откидываясь на спинку шикарного кожаного кресла. — И с чего мы вдруг решили прогулять ответственное и нужное мероприятие?

— Наверное, потому что мне оно не кажется ни нужным, ни ответственным.

В редакции повисла тишина, а потом Галя чуть слышно провыла:

— У-у-у...

Ксюша была с ней согласна. Она тоже могла сейчас только выть, полностью осознавая, насколько глупо было провоцировать Виктора. Но он её просто уже достал.

— Пойдём, в переговорной пообщаемся, — процедил начальник, вставая. Ксюша согласно кивнула, тоже поднялась и последовала за ним.

Переговорная находилась в вип-зоне, там же, где и кабинет генерального директора, и его приёмная. Обычно туда водили авторов, сотрудников реже, и всегда — с неприятными разговорами.

Ксюша была готова поспорить, что её разговор будет са-

мым неприятным из всех, случавшихся там прежде.

— Так. Садись, — Виктор отодвинул ей стул, и как только Ксюша на него опустилась, навис сверху. — Ты долго будешь это продолжать?

— Что именно? — не поняла она, пытаясь отодвинуться — лицо начальника было слишком близко.

— Не притворяйся, что не понимаешь, — он усмехнулся и опустил взгляд на её губы. — Ты же умная. А на корпоративе я допустил ошибку. Не хотел, чтобы ты знала, но сорвался. А сейчас что?

— Что?

— Для чего ты постоянно мне перечишь? Хочешь, чтобы я прям в офисе тебе юбку задрал?

— Я в джинсах, — фыркнула Ксюша, поневоле начиная паниковать.

— Это фигура речи! — заскрежетал зубами Виктор, придвигаясь чуть ближе. Его горячее дыхание почти касалось её губ. — Я тебя умоляю, Ксюша, прекрати! Мне и так нелегко. Развожусь я сейчас, понимаешь? Развожусь!

— Что?..

— Развожусь, — повторил начальник в третий раз. — Это долгая история. И всё бы ничего, но эта с-с-с... короче, жена моя бывшая, хочет лишить меня прав видеться с дочерьми. Я, может, мужем был не идеальным, но дочек я люблю! И мне сейчас служебные романы нужны не больше, чем тебе.

— Ты сам меня травишь, Виктор! — возмутилась Ксюша.

— А говоришь так, как будто я тут в мини-юбке по офису рассекаю!

— Я просто бешусь, — сказал он уже спокойнее. — От всей этой ситуации. От жены... дура, блин. От того, что дочек могу потерять. От тестя, который мне мозги плавит постоянно. И от тебя.

— Я-то при чём...

— При чём, говоришь? — Виктор усмехнулся. — Ну если ни при чём, то пошли сейчас в туалет. Здесь есть такой, элитный, на одного человека. Специальный гендиректорский туалет.

— И зачем туда идти?

— Потрахаемся.

Ксюша на секунду потеряла дар речи.

— Ну вот, — продолжал начальник как ни в чём не бывало, — а говоришь, ты ни при чём. Мне сейчас не до ухаживаний, да и нельзя, иначе детей не увижу больше. А просто перепихнуться ты не согласишься.

— Не соглашусь, — поморщилась девушка, отводя взгляд.

Было мерзко, хотя Виктор к ней даже пальцем не притронулся.

— А ведь это было бы проще всего... — протянул он, задумчиво разглядывая Ксюшу. — Но нет так нет. Просто давай договоримся. Я постараюсь тебя не задевать, а ты... постарайся меня не бесить. Если почувствуешь, что всё, точка

кипения — выходи из редакции минут на пять, я за это время остыну, и вернёшься.

Ксюша немного подумала, но всё же кивнула.

— Ладно. Договорились.

— Вот и прекрасно, — вздохнул Виктор, наконец выпрямляясь и прекращая над ней нависать. — Тогда пойдём. А то там, небось, коллеги уже гробик тебе выбирают.

— Почему мне-то? Может, тебе.

— Нет, Ксюш, — он усмехнулся. — Я гад живучий.

— Это точно...

— Разговорчики. Всё, двигай попой, работа зовёт. Да! И никому о содержании нашего разговора не рассказывай.

— Это само собой...

*

Ксюша не была наивной, поэтому не верила в то, что в их отношениях с Виктором появятся сильные изменения после этого разговора. Хотя, возможно, им всё же станет чуть проще. По крайней мере ей — точно.

Когда Ксюша вернулась домой, Инна Васильевна что-то готовила на кухне. Высунула голову в коридор и спросила:

— Сосиски будешь? Что-то мне лень сегодня кашеварить.

— Буду, — покладисто согласилась Ксюша. После вчерашних изысков сосиски — то, что нужно, чтобы спуститься с небес на землю.

— А вермишель?

— Буду.

— Отлично, тогда умывайся и приходи.

Но только Ксюша собиралась отправиться в ванную, как в дверь позвонили. И она сразу поняла, кто там, за этой дверью. Точнее, что.

И не ошиблась.

— Здравствуйте! У меня букет для Ксении.

Альстромерии. Белые, розовые, красные и лиловые. Потрясающее сочетание, потрясающий букет.

Она молча расписалась в подставленной бумажке, взяла букет, закрыла дверь, выслушав пожелания курьера, осмотрела цветы в поисках карточки. Ничего. Это логично — она ведь и так поняла, от кого цветы.

— Ого! — воскликнула Инна Васильевна, когда Ксюша вместе с букетом вошла на кухню. — Опять?! Эдак у нас вазы кончатся, Ксюня!

Она смущённо улыбнулась, доставая из шкафчика вторую вазу, налила в неё воды, засунула букет и поставила его на подоконник, рядом с утренними розами.

— Этот И.В., чего, провинился перед тобой, штоль? — поинтересовалась Инна Васильевна, хлюпая в тарелку порцию вермишели.

— Нет, — Ксюша помотала головой. — Я даже не знаю, зачем ему это...

— Ну ты даёшь, Ксюнь, — фыркнула хозяйка квартиры, положив поверх вермишели две сосиски. — Ухаживает он так за тобой. Чего тут непонятного?

— Нет. Это у него просто... блажь.

— Ну-ну. Садись есть, в общем. Кетчуп из холодильника захвати!

В последний раз погладив нежные лепестки, Ксюша повернулась к холодильнику.

— Вам какой — острый или обычный?

— Оба тащи. Помирать, так с кетчупом.

Ксюша рассмеялась и захватила обе наполовину пустые бутылки.

Потом она наверняка помрёт и упьётся «Ессентуками», но и пусть. Зато действительно вернётся с небес на землю, забыв вкус нежнейшей сёмги и французского вина с чудным названием.

Но если бы дело было только в еде... Люди, к сожалению, забываются куда сложнее.

*

Ксюша весь вечер думала — позвонить или нет. Страдала от изжоги из-за сосисок с кетчупом и ругалась сама с собой.

В конце концов ближе к десяти часам вечера отправила короткую смс. «Спасибо за цветы». Да, вот так. Вполне достаточно и не навязчиво.

Минут десять после этого Ксюша успела порефлексировать и пожалеть себя... а потом телефон зазвонил.

Сердце упало в пятки, а затем взлетело и ударило в мозг, как большая доза крепкого алкоголя. У Ксюши даже в глазах слегка потемнело.

— Алло...

— Добрый вечер, Ксения.

— Добрый вечер, Игорь Андреевич.

— Не отвлекаю? Извините, что поздно, но раньше не было времени. Только домой вошёл.

Он ещё и извиняется!

— Нет, всё в порядке.

Ксюша смущённо замолчала. Она не понимала, зачем он звонит, и что ей говорить.

— Не ошибся я с цветами, Ксения? А то когда стал выбирать, в голове почему-то были «астролябии».

— Нет-нет, всё правильно. И очень красиво. Спасибо большое.

— Прекрасно. А завтра вечером вы что делаете?

Хм. Это слуховая галлюцинация, что ли?..

— Завтра?

— Да, завтра вечером, после шести. Я Насте обещал освободиться, мы хотим в кино сходить. Пойдёте с нами?

— Я... не знаю. Вы же... Я вам не помешаю?

— Нет, не мешаете. — Кажется, он улыбался. — Соглашайтесь, Ксения. Мы с Настей будем рады вновь с вами повидаться.

— Ладно, — ответила Ксюша немного неуверенно. С одной стороны, почему бы и нет? Кино, да ещё и вместе с Настей — совершенно безобидно. А с другой... зачем это ему?

Ни в какую романтику по отношению к себе она не вери-

ла, да ещё и со стороны известного продюсера. Так что либо просто так, из любви к искусству, либо он тоже её хочет.

Абсурд. Она не настолько красавица. Да ещё и для продюсера! На телевидении баб как грязи, а то и больше. И красивых много, и талантливых, и успешных.

Вариант «просто так» гораздо правдоподобнее...

— Замечательно. Тогда я завтра позвоню ближе к шести часам вечера, хорошо?

— Хорошо.

Он немного помолчал, а потом поинтересовался:

— У вас странный голос, Ксения. Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто я думала, что больше вас... не услышу и не увижу. И тут вы звоните и предлагаете сходить в кино. Я в шоке.

Игорь Андреевич рассмеялся.

— Понимаю. И обещаю вести себя прилично. Вы, кстати, какой попкорн больше любите — сладкий или солёный? Настя спрашивает.

Ксюша фыркнула.

— Солёный, конечно.

— Отлично! Солёный, Настюш. Так что у нас совпадают вкусы и нам хватит одного большого ведёрка на троих. Что-то? Ты не уверена? Обжорка.

Трясаясь от смеха, Ксюша закрыла лицо ладонью. Напряжение отступило, когда она расслышала невнятный голос Насти на заднем плане.

Может, не строить теории заговоров на пустом месте? В конце концов, это всего лишь кино.

— До завтра, Ксения, — попрощался Игорь Андреевич, а потом и Настя крикнула в трубку так, что у Ксюши заложило в ушах:

— Пока! До завтра!

— Ох. До завтра... и спокойной ночи.

— Спокойной.

Гудки. И глупая улыбка на губах.

«Господи, спасибо. Я опять его увижу».

— Дура, — прошептала Ксюша, качая головой и продолжая улыбаться. Злиться на себя почему-то не получалось...

Кто знает, почему мы любим что-то одно, но совершенно не любим что-то другое?

Иногда это произвольно — нам нравится или не нравится вкус, запах, цвет. Но иногда наша симпатия сформирована чем-то совершенно конкретным.

Почему именно альстромерии? Это были первые цветы, которые мне подарили. И не кто-нибудь, а папа. На двенадцатилетие.

Я не помню, что он мне тогда пожелал. Но я была очень счастлива и навсегда запомнила радостную улыбку, которая возникала на его лице каждый раз, когда я смотрела на

букет и восторженно вздыхала.

А белые розы...

«Лепестками белых роз наше ложе застелю»...

Не хочу вспоминать, чтобы не погрязнуть в ненависти и обиде. Он того не стоит. По правде говоря, он вообще ничего не стоит... «даже фунта презрения», как говорил мой отец.

Папу тоже звали Игорем. Моё любимое имя...

Ксюша хотела помыться с утра, чтобы волосы выглядели свежими и особенно кудрявыми, как всегда бывало после мытья головы, но... жизнь преподнесла им с Инной Васильевой сюрприз в виде отключенной горячей воды.

— Хоть бы объявление вечером повесили, сволочи! — возмущалась хозяйка квартиры, пока Ксюша лихорадочно соображала, греть ей кастрюлю с водой или не греть, потому что иначе можно опоздать на работу. А лишний раз провоцировать Виктора не хотелось совершенно.

В итоге начальник победил. Игорь Андреевич и Настя потерпят Ксюшу с хвостиком, а вот Виктор за опоздание может вздрючить.

Взглянув на себя в зеркало перед выходом, девушка поморщилась — выглядела она не очень. Волосы у корней были заметно сальными, не спасал даже стянутый хвостик. Может, отменить к чертям это «свидание»? Стыдно же...

Но позвонить Игорю Андреевичу Ксюша не решилась. Рассказывать ему про отключённую горячую воду казалось ещё более стыдным, чем явиться на встречу с грязными волосами. Поэтому она весь день косилась на телефон и почти не могла работать.

Звонок раздался полшестого, и чтобы никто из редакции не слышал её разговор, Ксюша вышла в коридор.

— Добрый вечер, Ксения. У вас не изменились планы? Мы с Настей будем ждать вас десять минут седьмого в холле на первом этаже.

— Добрый вечер... Игорь Андреевич... Дело в том, что я, наверное, не смогу.

— Да? — В его голосе звучало сомнение, и Ксюша застыдилась. — На работе задерживают или срочные дела?

И врать не хотелось, но как тут скажешь правду?

— Нет. Просто... не смогу. По личным причинам.

Он чуть слышно вздохнул.

— Ксения. Скажите мне честно. Эти причины связаны со мной?

Она не поняла, о чём он говорит, поэтому переспросила:

— Что? В смысле?

— Быть может, вас смущает мой статус? Или доход? Или наличие дочери? Или возраст? Прошу, скажите откровенно.

Ксюша даже слегка растерялась. Какой статус, какой доход? Он разве её замуж позвал?! В кино ведь просто!

— Нет, Игорь Андреевич. Нет. Меня ничего не смущает.

Всё-таки соврала. На самом деле её всё смущало, но это не причина не идти в кино!

— Тогда в чём дело?

Нет, он не отстанет, видимо.

— Я... неважно выгляжу.

На том конце провода повисло недоуменное молчание.

— Не понял, — в конце концов признался Игорь Андреевич. — Неважно — это как? Вы заболели?

— Нет...

— Тем более непонятно. Ксения, давайте так. Я буду ждать вас внизу без Насти, объясните мне всё с глазу на глаз, может, так будет проще.

— Да не надо! — Ксюша не выдержала. Вот... деспот! — У меня просто воду горячую отключили. Волосы грязные. Мне стыдно перед вами в таком виде появляться, Игорь Андреевич. Давайте завтра? Я вечером кастрюлей помоюсь и завтра буду как огурец.

Он молчал несколько секунд, а потом негромко рассмеялся.

— Ничего смешного, — выдохнула Ксюша. — Я не знаю, знакомы ли вы с подобным явлением, как отключение горячей воды, но это довольно неприятно.

— Знаком, Ксения, — Игорь Андреевич всё смеялся. — Поэтому предлагаю вам сейчас завершить свой рабочий день и спуститься вниз, я вас встречу и отведу помыться.

— Куда?!

— К нам с Настей, конечно.

Она ошарашенно молчала, и он, смеясь, предположил:

— Стесняетесь?

Ксюша всё молчала, не зная, что ответить.

— Ксения, бога ради, вы же взрослая девушка. Зайдёте в

ванную, помоеетесь и выйдете оттуда в целости и сохранности, это я вам обещаю. А потом пойдём в кино. Там сеансы постоянные, успеем. Ну? Согласны?

Она вздохнула.

— Я могу сказать «нет»?

— Сказать-то можете, — фыркнул Игорь Андреевич. — Но зачем? Взрослые и разумные люди так не поступают, а вы взрослая и разумная.

«Нет, я маленькая и глупая...»

— Хорошо. Ладно.

— Вот и отлично. Жду, — ответил он и положил трубку.

А Ксюша с трудом удержала себя от абсолютно бессмысленного поступка. Ей внезапно страшно захотелось плюхнуться на пол и просидеть там все оставшиеся до конца рабочего дня минуты. А может, и дольше.

Нет, но всё-таки. Как у него это получается?! Она всегда умела отказывать, ставить на место, отшивать, находить аргументы. Ну ладно, не всегда — последние восемь лет. А сейчас-то что? Куда это всё подевалось?!

Может быть, дело в том, что Игорь Андреевич прав? И если бы это был не он, и не элитная квартира на 54 этаже бизнес-центра, Ксюша с радостью ухватилась бы за возможность помыться нормально, а не кастрюлей.

А сейчас стыдно и неловко.

«Взрослая и разумная». Ну да, конечно. Взрослее некуда. И умная настолько, что голова пухнет от переизбытка моз-

гов.

Ладно, надо идти дорабатывать оставшиеся двадцать минут... и надеяться, что Виктор не вспомнит про так и не обсуждённый перспективный план. Или надеяться, что вспомнит?..

Ксюша сама не могла понять, чего хочет больше.

*

На этот раз Игорь Андреевич был в тёмно-сером костюме, но опять без галстука. Улыбнулся и кивнул, когда она подошла, и глаза за стёклами очков лукаво блеснули.

— Готовы, Ксения?

— Ну не издевайтесь, — она засмеялась, отводя взгляд. — Я как-то не привыкла мыться в квартирах у людей, которых знаю три дня.

— Думаю, в этом нет ничего страшного, — ответил он серьёзно. — Клянусь, чудовище под ванной у меня не живёт.

Ксюша хмыкнула и захихикала, представив себе чудовище под той огромной угловой ванной, которую она видела в квартире Игоря Андреевича. Да это чудовище её сожрёт, не жуя!

— А вы... не любите галстуки? — спросила она вдруг, когда они зашли в лифт и мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, будто его что-то душило. Видимо, Игорь Андреевич, как и Настя, не очень уважал скоростные лифты.

— Терпеть не могу. Удавки.

Ксюша улыбнулась.

— Мой папа тоже не любил. Избегал всеми силами. Я его всего один раз в галстук и видела — на моём последнем звонке.

— Не любил? — переспросил Игорь Андреевич, и она кивнула.

— Да. Он умер. И его тоже звали Игорем, только Михайловичем.

— Соболезную вам, Ксения.

Голос его звучал искренне, и поэтому девушка пояснила:

— Это было давно, восемь лет прошло. Просто... вспомнилось.

— Понимаю.

Лифт остановился, двери открылись, и Игорь Андреевич пропустил Ксюшу вперёд, сказав:

— Прошу, Ксения.

А за порогом их ждала Настя, трясушая полотенцем над головой.

— Оле-оле-оле-оле! Спартак — чемпио-о-он! Оле-оле-оле!

— Для Спартака надо бело-красный шарф, Настюш, — усмехнулся Игорь Андреевич, забирая у Ксюши сумку и снова помещая её в чудо-шкаф в прихожей. — А белое полотенце — это из другой оперы.

— Из банной оперы, наверное, — предположила Ксюша.

— Точно! — Настя сунула ей в руки полотенце и, оглядев девушку с ног до головы, спросила: — Что тебе ещё нужно?

Тапочки я там поставила, халат тоже висит. Шампунь, мыло... а бритву не надо?

Вот козявка! Ксюша даже чуть покраснела, а Игорь Андреевич засмеялся, качая головой.

— Ладно тебе, мелкая. Не смущай Ксению. Пойдёмте, покажу вам на всякий случай, как всё включается-выключается. Там заковыристо.

— А я пойду съем йогурт! А то кушать хочется.

— Съешь.

Настя убежала, а Игорь Андреевич, взяв Ксюшу под локоть, повёл её в ту самую огромную ванную.

На одном из крючков уже висел красивый тёмно-синий халат, и Ксюша тут же спросила, чей он. Так, на всякий случай.

— Настин. Но он чистый, не переживайте.

— Да я... просто.

На самом деле Ксюша больше всего боялась не того, что он грязный, а что этот халат принадлежал умершей жене Игоря Андреевича. Хотя... глупо. Вряд ли он дал бы ей вещь своей жены.

Думая об этом, Ксюша почти не слушала объяснения мужчины, касающиеся включения-выключения воды и переключения с крана на душ. В результате, когда Игорь Андреевич ушёл, Ксюша, раздевшись, поняла: она совершенно не помнит, что надо крутить или нажимать, чтобы вода стала литься из душа.

— Дура, — выругалась Ксюша, нацепляя халат. Он едва доходил до середины бедра, да и грудь кокетливо выглядывала в вырезе, но это естественно — Настя всё же подросток, у неё пока нет ни такой груди, ни толстенькой попы.

Ксюша выглянула за дверь, стараясь, чтобы была видна только её голова, и позвала:

— Игорь Андреевич!

— Иду, — отозвались издалека, судя по всему, из кухни, а потом в поле зрения девушки появился и сам мужчина. Без пиджака, в наполовину расстегнутой рубашке.

— Что-то случилось? — Игорь Андреевич вопросительно посмотрел на Ксюшу, и она вздохнула. Дура, только что ведь ей всё объясняли...

— Я забыла, как переключать воду, — призналась девушка. — Извините.

Он улыбнулся.

— Сейчас покажу, — и шагнул вперёд, входя в ванную. Замер, будто бы сражённый Ксюшкиным внешним видом, и она суетливо сжала халат на груди одной рукой, второй пытаясь оттянуть подол пониже.

— Вам идёт, — сказал Игорь Андреевич, рассмеявшись. — Но не надо так нервничать, Ксения. Я же не маньяк.

Она вспыхнула, отступая немного в сторону, чтобы дать ему пройти, и на сей раз, пока он вновь терпеливо всё объяснял, слушала внимательно даже несмотря на собственное смущение.

— Спасибо, — поблагодарила искренне, когда Игорь Андреевич закончил рассказывать и выпрямился, внимательно глядя на неё. Но не в вырез, и не на ноги — он смотрел на Ксюшины волосы.

— Знаете, — улыбнулся, — одна моя знакомая платит дикае деньги за химическую завивку, но её волосы всё равно не выглядят так, как ваши. У вас ведь натуральные кудри?

— Да, — она кивнула.

— Очень красиво, Ксения. И они, наверное, от воды сильнее выются. Я прав?

— Да.

— Значит, увидим сегодня кудряшку Сью, когда вы выйдете из ванной, — засмеялся он. — Ну, я пойду. Если понадобится, зовите, не стесняйтесь.

— Да я вроде всё запомнила...

— Ну мало ли, — пожал плечами Игорь Андреевич. — Спинку потереть, например.

Ксюша на секунду опешила.

— Спасибо, — улыбнулась, и кажется, даже не покраснела. — Я сама справлюсь.

— Ну и зря, — сказал Игорь Андреевич уже у самой двери. — Я неплохо это делаю. Но сами так сами.

И вышел. А Ксюша, сбросив халат, полезла мыться.

Игорь, смеясь, возвращался на кухню, где Настя уже доела йогурт.

— А я думала, ты с ней останешься, — заявила дочка, облизывая ложку.

— Настя, — сказал он укоризненно, садясь рядом. — За чем же? Сама справится.

Девочка надулась, и он пояснил:

— Никогда не нужно торопиться, Настюш. Как с фруктами. Если он созрел, сам к тебе в руки упадёт. А если нет, и сорвёшь с трудом, и внутри кислый окажется.

— А-а-а... — протянула дочь понимающе. — Значит, ты ждёшь, пока она созреет.

Игорь засмеялся и покачал головой.

— Можно и так сказать, если так тебе понятнее.

— А когда она созреет?

— Откуда же я знаю, дочка? Может, вообще никогда. Ксения всё-таки человек, а не фрукт.

Настя нахмурилась.

— Ну уж нет! Созреет, как пить дать! Гарантирую.

— Хорошо, — усмехнулся Игорь.

Он, в отличие от Насти, умел ждать. А ещё — ставить цели и добиваться их.

Выходить из ванной в халате Ксюша не решилась, поэтому хорошенько вытерлась полотенцем и нацепила свою одежду, после мытья показавшуюся какой-то особенно неприятной. Волосы тоже промокнула, но сушить не стала — иначе распушатся так, что она будет напоминать бешеного льва.

Перед выходом Ксюша посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась — мокрые кудри выглядели странновато, но ничего, когда высохнут, будет нормально. Расчёска у неё с собой есть, если что, приведёт себя в порядок в кинотеатре.

Игорь Андреевич и Настя сидели на кухне и весело болтали, поедая какое-то печенье из упаковки. Девочка макала каждую печенюшку в молоко, а Игорь Андреевич пил чай.

— С лёгким паром! — воскликнула Настя, первой заметив Ксюшу. — Ой, какая ты смешная с мокрой головой!

— Ну, спасибо, — фыркнула Ксюша, подходя ближе. Посмотрела на Игоря Андреевича, но почти сразу смущённо отвернулась, столкнувшись с ним взглядами. И хотя смотрел мужчина на неё совершенно спокойно, ей всё равно стало не по себе.

— Кудряшка Сью! — продолжала Настя, смеясь. — Красота, да, пап?

— Красота, — подтвердил Игорь Андреевич, а потом вдруг спросил: — Ксения, вы не хотите есть? Мы-то перекусили, поэтому нам не страшен серый волк, то есть солёный попкорн в диких количествах. А вы как будете?

По правде говоря, Ксюша, как и всегда после ванной, была дико голодна. Но она и так задержала Игоря Андреевича и его дочь...

— Всё хорошо, пойдёте лучше в кино.

Мужчина внимательно поглядел на неё, чуть улыбнулся и сказал:

— Погодите. Сядьте пока, Ксения.

— Ну правда, мне ничего не...

— Сядьте-сядьте. — И почти силой усадил её на барный стульчик. — За десять минут мир не рухнет и сеансы не кончатся. Вы йогурты едите?

— Ем...

Впрочем, нет — таких йогуртов она никогда не ела. Вкусные до ужаса, натуральные до безобразия, и наверняка безумно дорогие. Ксюше достались целых два — клубничный и вишнёвый. А ещё вкусное овсяное печенье и стакан молока. Два стакана даже...

— Я очень люблю молоко, — говорила Настя, подливая его себе. — Просто вот очень-очень! И творог люблю, и кефир, и вообще молочные продукты... Сыр обожаю! А ты, Ксюш?

— Я тоже люблю.

— Вот! А папа почти не ест. Только сыр тоже любит, особенно с плесенью. А я с плесенью совсем не люблю! Гадость какая-то вонючая.

Игорь Андреевич засмеялся, и Ксюша тоже улыбнулась.

— А у меня сыр с плесенью, особенно с голубой — это просто какой-то фетиш, — сказала она, внезапно расслабившись. После горячей ванны и вкусной еды это было неудивительно. — Я его обожаю, но позволяю себе только раз в месяц.

— Почему? — удивилась Настя, и Ксюша, мысленно чертыхнувшись, закусила губу. Ну не говорить же, что у неё нет денег на подобные гастрономические изыски? Это как-то нехорошо.

— А это вредно, Настюш, — вдруг заметил Игорь Андреевич, и Ксюше, когда она посмотрела на него, показалось, будто он всё понял. — Сыр с плесенью жирный, от него фигура портится.

— А-а-а! — протянула девочка. — Что-то по твоей фигуре, пап, этого не видно...

— У меня метаболизм хороший. Ну, доели? Или кто-то хочет чего-нибудь ещё?

— Нет-нет...

— Ага, доели!

— Тогда пойдём. Очередной сеанс как раз через пятнадцать минут, успеем.

— А на что мы идём-то хоть? — вдруг опомнилась Ксю-

ша. — Вы не говорили вроде...

— Да? Разве?

— На «Человека-паука» нового! — восторженно подпрыгнула Настя. — У меня одноклассник был! Сказал — классный!

Выбирай Ксюша сама, подобное кино она не стала бы смотреть. Просто потому что ей доводилось делать книги по американским комиксам, и с тех пор у девушки развилась стойкая неприязнь к их героям. Но раз Настя так хочет, она потерпит.

В конце концов, не так важно само кино, как возможность туда пойти.

*

В кинотеатре Игорь Андреевич отправился за билетами, а Настя с Ксюшей — за попкорном. Девочка купила самое большое ведро и сразу нежно его обняла, счастливо улыбаясь.

— Класс! — заявила она Ксюше. — Тысячу лет об этом мечтала!

— О попкорне?

— Да не, ты что! С папой в кино сходить! Он же вечно занят. У него то кастинги, то съёмки, то ещё какая-нибудь белиберда. И приползает домой никакой, на кинотеатр у него сил не хватает.

— А сейчас почему хватило?

— Пауза. Это он так называет перерывы между авралами.

Но она у него только сегодня, он завтра с утра улетает в Америку до вторника.

Улетает...

— Подожди... а ты, что, одна будешь?!

— Почему? — Настя удивилась. — Со мной будут Борис, папин шофёр, и Люся, его жена и наша кухарка. А ещё Роман — папин охранник.

Ксюша почувствовала, что глаза у неё лезут на лоб.

— Охранник? А почему он сейчас не с нами? Охранять же надо...

Настя расхохоталась, чуть не уронив ведро с попкорном.

— Потому что это жизнь, а не фильм, Ксюш! Это только в фильмах охранники по пятам ходят. А в жизни всё иначе.

Честно говоря, Ксюша не понимала, в чём разница. Публичный человек, вдруг кто убить захочет или похитить? А Настя всё хихикала, и Ксюша почувствовала себя наивной дуручкой-провинциалкой, которая насмотрелась дурацких отечественных сериалов.

А к ним, между прочим, Игорь Андреевич тоже руку приложил! Не ко всем, но ко многим!

— Что ты смеёшься, Настюш? А Ксения у нас почему такая грустная? — поинтересовался вернувшийся Настин папа.

— А Ксюша думала, мы с охранником должны в кино ходить! — с лукавой улыбкой заявила девочка, но Игорь Андреевич её веселья не поддержал.

— Почему вы так думали, Ксения? И пойдёмте скорее, в зал начали запускать.

— Ну-у, — протянула Ксюша, пока они с Игорем Андреевичем шли по направлению к кинозалу, а Настя неслась чуть впереди, едва не рассыпая попкорн. — Я думала, люди... вашего уровня везде ходят с охраной.

— Вы ошибаетесь. Сейчас уже не лихие девяностые, и у меня не настолько коррумпированный бизнес, чтобы в кино с охраной ходить. Мою физиономию знает далеко не каждый человек в стране, я всё-таки не Дима Билан и не Алла Пугачёва, а если вдруг кто узнает — ничего страшного не произойдёт.

— Понятно. Ну... приблизительно.

Игорь Андреевич рассмеялся.

— Не берите в голову, Ксения. Если вам когда-нибудь понадобятся услуги охранного агентства, вы разберётесь, а пока не заморачивайтесь.

— Надеюсь, не понадобятся.

— Ой, не зарекайтесь.

*

Все люди ошибаются, и на этот раз ошиблась Ксюша — фильм оказался очень даже ничего, и ей было совсем не скучно его смотреть. В какой-то момент она полностью оторшилась от реальности, погружившись в происходящее на экране и, запустив руку в ведро с попкорном, поняла — что-то не так.

Игорь Андреевич сидел посередине, между Ксюшей и Настей, ведро держал у себя на коленях, и все они по очереди брали оттуда попкорн. Ксюша старалась делать это пореже, у неё и так лишнего веса достаточно, в отличие от Насти и её папы. И в очередной раз, когда девушка решила залезть в ведро за порцией кино-деликатеса, она и натолкнулась на руку Игоря Андреевича.

Сердце зашлось, бешено застучав, дыхание сбилось, на лбу выступила испарина. И было, отчего — мужчина осторожно и нежно обхватил ладонь Ксюши, погладил её, большим пальцем помассировав запястье...

Волна жара прошла по телу девушки, и она, испугавшись, отдёргнула руку. Игорь Андреевич повернул голову и посмотрел на Ксюшу, как ей показалось, вопросительно.

— Простите, — шепнула она, прижимая ладонь к губам. Было и страшно, и волнительно. А ещё — непонятно...

— Это вы меня простите, Ксения, — сказал он негромко и вернулся к просмотру фильма. А Ксюше внезапно захотелось плакать — банально пожалеть себя. Размазывая слёзы по лицу, завывать в голос, и плевать, что она давно уже не первокурсница.

Тогда, восемь лет назад, всё началось с кинотеатра. Точнее, это она так думала — на самом деле, конечно, всё началось гораздо раньше, а в кинотеатре был разыгран первый акт длинного спектакля, сломавшего её дальнейшую жизнь, как спичку. С тех пор Ксюша не любила кинотеатры. И розы,

и пирожные «картошка», и мягкие игрушки, особенно плюшевых медведей, и... много всего она с тех пор не любила. И не доверяла мужчинам.

И сейчас, покосившись на Игоря Андреевича, она вдруг подумала о том, можно ли сломать то, что уже было сломано кем-то другим, до тебя? Или её не до конца доломали, а этот человек теперь завершит начатое? Своими прикосновениями, добрым отношением к ней, очаровательной улыбкой, лукавым блеском глаз.

Как не допустить этого, если её мотылёк с такой радостью летит к огню, чтобы согреться? И наверное, сгореть...

— Класс! Класс! Класс! — Настя чуть ли не прыгала от восторга, когда они вышли из кинотеатра. — Круто! Круто! Круто!

Игорь Андреевич смеялся, глядя на дочь, и Ксюша тоже не могла удержаться от улыбки.

— Спасибо вам большое, — поблагодарила она его, как только они вышли из торгового центра на улицу. — Я, пожалуй, пойду. До свидания.

— Куда?.. — недоуменно протянула Настя, а Игорь Андреевич резко сказал:

— Так, стоп. Ксения, вы с ума сошли? Почти двенадцать часов ночи. Куда вы пойдёте?

— Домой, конечно, — она слегка удивилась.

— Это понятно. Но не на метро же в такой час рассекать в одиночестве. Сейчас я вам такси вызову.

Ей вдруг стало смешно.

— С вами бесполезно спорить, да?

— Точно! — первой ответила Настя, покружившись вокруг своей оси. — Абсолютно, совершенно бесполезно!

Игорь Андреевич только усмехнулся, доставая телефон. И эта усмешка, адресованная не Ксюше, а каким-то его собственным мыслям, её немного напугала. Именно так должны усмехаться люди того круга, к которому она не принадлежа-

ла — хищно, немного насмешливо, и очень... по-диктаторски.

Ей нужно подумать над этим. Обязательно нужно.

— Ну, вот и всё. Заказал, оплатил, минут через пять придут. Мы вас посадим, а потом пойдём домой, — сказал Игорь Андреевич, поднимая глаза от телефона.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Ксюша. Она действительно очень устала, а завтра ещё рабочий день. — И за такси, и за хороший вечер.

— Это вам спасибо, Ксения. Да, Настя?

— Ага, — девочка зевнула, и Игорь Андреевич улыбнулся, но теперь уже совсем не хищно и не по-диктаторски.

— А вы... — Ксюша неуверенно запнулась, но всё же выпалила: — Вы завтра улетаете? Настя сказала.

— Улетаю, — он кивнул. — Вернусь во вторник. Ничего особенного, просто встреча с зарубежными партнерами.

— А я в среду на свадьбу иду, — призналась Ксюша, сама не понимая, зачем. — Лучшая подруга замуж выходит.

— Ух ты-ы-ы! — воскликнула Настя. — Свадьба — это круто! А какое у тебя будет платье?

— Ну... такого розово-персикового цвета. С одной стороны плечо голое, а с другой — бретелька как будто на застёжке. С пряжкой.

— Фотку покажешь потом? — заинтересовался ребёнок. — Интересно!

— Мне тоже интересно, — кивнул Игорь Андреевич. —

Так что буду ждать фотографию.

И только Ксюша хотела сказать, что ей будет не до фотографий, как подъехало такси — пришлось отложить возражения и прощаться с Настей и её отцом.

— Удачного вам полёта!

— А вам — удачного окончания рабочей недели, — улыбнулся Игорь Андреевич.

— Пока! — махнула рукой Настя. — Спасибо, что сходилась с нами!

— Пожалуйста... — прошептала Ксюша, садясь в такси. А когда с громким хлопком закрылась дверца машины, в очередной раз почувствовала себя чуждой миру Насти и её папы.

Иногда очень хочется поверить, правда? В то, что так бывает. Встреча бедной девочки и богатого, пресыщенного жизнью мужчины — и вот она, вспыхнувшая любовь. Очень хочется... особенно если это происходит с тобой.

Но я не верю.

Может, с моей стороны и есть что-то большее, чем просто симпатия, но как разобраться, где начинается она, а где — общая очарованность ситуацией, обстановкой, достатком, в конце концов? Я не знаю.

А он... хищник. Опытный, матерый хищник, который

знает, как вести себя с выбранной жертвой. Он просчитал меня на раз ещё при первой встрече и теперь постепенно окружает, не настаивая, но и не давая прийти в себя и убежать как можно дальше. Зачем? Я думаю, ему просто интересно. Интересно, сколько времени может продлиться эта засада и когда осаждённый город распахнёт ворота и падёт. А может, не падёт? Хотя вряд ли он верит в возможность подобного развития событий.

И правильно. Я тоже не верю. В противостоянии между юной девушкой и взрослым мужчиной девушка победить может только в какой-нибудь глупой книжке.

Мне не нужно больше соглашаться ни на что, на любые предложения отвечать отказом, какими бы они ни были. Цветы, кино, театры, рестораны, даже просто мытьё головы в их ванной — нет, и всё тут.

Надеюсь, он отступит... переключится на кого-нибудь более доступного. Так делали до него все прочие мужчины.

Вот только... почему мне кажется, что я обманываю саму себя?

Почему мне кажется, что я не смогу сказать «нет»?

Почему мне кажется, что он не отступит, пока не получит желаемое?

Почему мне кажется, что эта ситуация и этот человек разрушат меня гораздо больше, чем то, что случилось восемь лет назад?

На следующий день Ксюша пребывала в ужасном настроении. Осознавая, что точно не увидит Игоря Андреевича в ближайшую неделю, она непроизвольно расстраивалась. И злилась сама на себя за подобные мысли. Думая: «Хорошо бы не видеть и не слышать его вообще», морщилась от собственного вранья.

Работалось неважно, и девушка радовалась, что сегодня пятница, впереди выходные, а на следующей неделе она в среду не работает, а пьёт и гуляет на свадьбе. Хоть отдохнёт от...

... Виктора.

— Кстати, Ксюша. Мы с тобой так перспективку и не обсуждали. Сегодня задержись, пожалуйста, после работы, пробежимся по будущим проектам.

Интересно, он реально перспективку хочет обсудить или будет петь старую песню о главном?

— Ксю-ю-юш... — Галя наклонилась чуть ли не под стол, ехидно улыбаясь. — Слышь, Ксюш?

— Чего?

— Презик есть? А то я дать могу.

И хихикает ещё, сволочь.

— А давай, — хмыкнула Ксюша, тоже почти шепча. — А смазки нет у тебя?

— Смазки? — Елецкая, видимо, к отпору готова не была, и слегка растерялась.

— Угу, смазки. Мало ли. Вдруг заднюю дверь надо будет обработать.

Галя аж покраснела.

— Ну ты и пошлячка, Ксюнь. Ваще.

— Ага. А кто мне две недели назад подсунил свой порно-роман?

— Это не порно, а эротика!

— Да один перец. Я пока эту книжку в печать сдавала, от смеха чуть не померла. Как ты это вообще делаешь?

— Так же, как ты своих птичек «Энгри бёрдс». Ещё неизвестно, что из этого большее извращение.

— Согласна...

*

После шести вечера, когда народ начал расходиться, Виктор позвал Ксюшу к себе. Она села на свободный стул рядом с его столом, захватив с собой кучу бумажек по перспективному плану, и приготовилась к долгой и мозговыносительной обороне.

Коллеги постепенно уходили, офис пустел, а Виктор всё задавал Ксюше новые и новые вопросы, перебирая план. На улице зарядил дождь, тяжёлые капли забили в стекло, и девушка с тоской покосилась на мир за окном. Как же она уста-

ла за эту неделю...

— Ксюш, ты слышишь меня?

— Слышу, — вздохнула, возвращаясь взглядом к плану.

— Ты спросил, просчитывала ли я в типографии эти наборы для творчества. Просчитывала. Вот просчёт и остальные прикидки по стоимости редакционной подготовки. Не рентабельно.

Виктор, хмурясь, изучал цифры.

— И чего, прям совсем не рентабельно?

Интересно, как он представляет себе это «не совсем не рентабельно»?

— Ну... чисто теоретически... Если картинки не рисовать, а брать из архивов или из шаттерстока, то проект можно вытянуть. Но это будет такой адский треш в итоге, что за продажи я не ручаюсь...

— Ладно, отложим пока.

Ксюша чуть слышно фыркнула. К этим дурацким наборам для творчества в коробках они возвращались уже раза три, и каждый раз откладывали «на потом», так и не решаясь ни на что конкретное. Абсолютно мёртвый проект, и Ксюша знала, что мёртвым он и останется.

— Слушай, а ты уверена, что не пойдёшь на корпоратив?

— неожиданно спросил Виктор, и она посмотрела на него с удивлением.

— Конечно. Не пойду.

— Почему? Из-за того, что случилось на новогоднем?

Ксюша откинулась на сиденье стула и сложила руки на груди.

— Это мы так перспективку обсуждаем, да?

— Да, — начальник ухмыльнулся и полностью повторил её позу, так же откинувшись и сложив руки на груди. — И вообще с окончания рабочего дня уже час с лишним прошёл, можем обсуждать что угодно. И я хочу знать, почему ты не хочешь идти на корпоратив.

— А ты хочешь?

Виктор нахмурился.

— Не понял?

— Ты-то сам хочешь туда идти? Небось, нет. Просто надо, ты же завредакцией.

— Ну да, не особенно, — фыркнул начальник. — Но ты давай, вопросом на вопрос не отвечай. Сама почему не хочешь?

— А по двум причинам. Новый год — раз, общая бесполезность — два.

— Общая бесполезность, значит, — фыркнул Виктор. — А если я тебе за посещение корпоратива премию выпишу?

Ксюша какое-то время молчала.

— Давай я лучше сделаю вид, что этого не слышала.

Он рассмеялся.

— Ладно. Тогда такой вопрос... На следующей неделе у меня наконец всё решится с детьми и бывшей женой, и вроде как в мою пользу. Ты у нас на одноразовые отношения не

согласна, поэтому я хочу пригласить тебя в ресторан. В следующую пятницу. Пойдёшь?

Ксюше захотелось швырнуть в него чем-нибудь. И желательно, чтобы это «что-нибудь» было потяжелее.

— Ответь мне честно. Если я скажу «нет», ты меня уволишь?

— Не уволю, — хмыкнул Виктор. — А что, я настолько тебе противен? Даже попробовать не хочешь?

«Ты чего, еда, чтобы тебя попробовать?..»

— Не противен, но не хочу. Извини, но...

Ксюша хотела сказать «ты меня не интересуешь», однако Виктор её перебил.

— У тебя кто-то есть? Поэтому так сопротивляешься?

Она молчала несколько секунд, не зная, врать или нет. Язык соврал сам.

— Да, есть.

— Понятно, — ухмыльнулся начальник. — Это было логично. И что, серьёзно, или так... трахатель?

Ксюша сжала зубы.

— Честно, это вот ни разу не твоё дело.

— Прямо так уж и ни разу. — Виктор, кажется, развеселился. — Ты смешная, когда показываешь коготки и зубки. Я ведь не первый год на свете живу, поэтому знаю — если нет кольца, значит, шанс есть. Да и даже если бы оно было... шанс есть всегда.

Она промолчала. К чему дразнить хищника?

Только этот хищник казался Ксюше более глупым, чем Игорь Андреевич. Тот свою жертву не пугал, не угрожал, брал доверием и пряниками. А этот...

— Слушай... раз мы обсудили план, я домой пойду. Нет возражений?

— Иди, — начальник всё улыбался. — Может, подвезти тебя? А?

— Нет, спасибо.

— Тогда иди. До понедельника, Ксюш.

— Угу... до понедельника.

*

После разговора с Виктором во рту поселился какой-то мерзкий привкус. А может, это не во рту, а в душе?

Как же они все ей надоели... Надо поскорее возвращаться домой, хватать первую попавшуюся книжку и забираться под одеяло, прогоняя из себя стресс этой недели. Пусть будет спокойный и добрый вечер...

Но Ксюше не читалось. Она сидела на кровати и пялилась на одну и ту же страницу минут пятнадцать, пока не поняла — дело это бесполезное.

И в конце концов сделала то, чего делать, конечно, не следовало. Отложила книгу, взяла ноутбук, открыла ютуб и ввела в строке поиска «Игорь Венчур».

По первой же ссылке находилось интервью одному известному видеоблогеру. Тот постоянно приглашал в студию разных известных (и не очень) людей и задавал им провокаци-

онные вопросы.

Игорь Андреевич выглядел расслабленным и абсолютно естественным, вот только... он словно был незнакомцем сейчас для Ксюши. Она никогда не видела его таким. Сосредоточенный и даже какой-то суровый, он напоминал хищную птицу. Черты лица чуть заострились, глаза потемнели, а длинные пальцы на руках производили впечатление острых ястребиных когтей. В эту секунду ястреб спокоен и даже благодушен, а в следующую — спикирует и схватит тебя за горло.

— Скажите, Игорь Андреевич, какое, по вашему мнению, основное отличие нашего российского кинобизнеса от кинобизнеса зарубежного?

Лёгкая усмешка, и Ксюша понимала, почему он усмехается — видеоблогер явно старался вывести гостя на откровенный или даже провокационный разговор, и это было только начало.

— Я, как вы помните, больше занимаюсь телепередачами и телесериалами, и если вам интересно моё мнение именно касательно кинофильмов...

— Ну почему, не только. В целом.

— Ну если в целом... Работая над своим — назовём это «продуктом» — так вот, работая над своим продуктом, наши зарубежные коллеги прекрасно осознают, что делают его не только для соотечественников, но и для половины земного шара. Мы подобными успехами похвастаться не можем.

— Отчего же так?

И лицо такое хитренькое. Вот гад!

— Здесь целый спектр причин. Во-первых — и это самое важное — у зарубежного зрителя не сформирована, скажем так, привычка к интересу к российскому кино и сериалам. На самом деле это относится не только к кино, но и к книгам, например. Единицы российских авторов издаются за рубежом, единицы наших фильмов выходят там в прокат. Это факт, с которым нам приходится бороться и работать.

— А во-вторых?

— А во-вторых, качество. И с этим фактом нам тоже приходится работать.

Видеоблогер оживился, и Ксюша напряглась, ожидая подвоха. И он, конечно, последовал — Игоря Андреевича просто заваливали откровенными вопросами, нацеленными на скандал. Она каждый раз замирала — но он умело лавировал среди всего этого кошмара, иногда едва заметно усмехаясь.

— А как вы относитесь к несомненно провальным среди нашего зрителя проектам, на которые выделялись деньги из бюджета?

— Понимаете, — на этот раз Игорь Андреевич усмехнулся чуть шире, — есть такое хорошо знакомое всем понятие, как корпоративная этика. Коллеги по цеху не должны ругать друг друга, иначе какие же они коллеги? Поэтому отвечу так. Я к подобным проектам не отношусь никак — ни по роду деятельности, то есть не я ими занимаюсь, ни по личному

мнению, потому что у меня нет времени это смотреть и оценивать.

— То есть, вы не смотрите современное российское кино? Вот гад этот... блогер!

— Я этого не говорил. Я, как и любой человек, в свободное время выбираю фильмы или книги по интересам. И эти интересы не всегда совпадают именно с современным производством...

... Ксюша смотрела разные видеозаписи с Игорем Андреевичем почти весь вечер. Записи с телепередач, интервью с видеоблогерами, видео с награждений и кинофестивалей. Зачем? Она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос.

Возможно, ей была интересна его жизнь и то, чем он по ней занимался. И то, каким он представал в этих интервью — такого Игоря Андреевича Ксюша не видела и не знала.

А возможно, она просто соскучилась.

С определённого возраста тебе становится интереснее не результат, а процесс.

Конечно, это иногда мешает бизнесу, но тут главное вовремя остановиться и осознать, что процесс не должен переходить в козлиное упрямство, мазохизм и откровенные убытки. Но в целом... да — процесс гораздо интереснее результата, потому что результат проще предсказать.

Игорь не был до конца уверен, правильно ли сделал, затеяв эту игру. Но она оказалась настолько приятной, что останавливаться уже не хотелось.

Чистое, неискушённое существо. С искренними реакциями и открытым взглядом. Как глоток прохладной воды в жаркий день.

Он всё понял про неё ещё в первый вечер — в конце концов, Игорь на своём веку повидал достаточное количество женщин, чтобы научиться в них разбираться. И знать, как нужно вести себя с той или иной девушкой.

На Ксению ни в коем случае нельзя было давить. Шаг вперёд — и одновременно полшага назад, как капитуляция и признание в собственной незаинтересованности. Это оставляло ей иллюзию безопасности. Иллюзию выбора. Иллюзию того, что она ещё что-то решает. На самом деле нет — Игорь всё решил за неё в тот момент, когда Ксения стояла перед ним в одном Настином халатике и смотрела на него чуть испуганными глазами.

Иногда он сомневался в принятом решении. Как тогда, в вечер после первой встречи. Но Игорь настолько наслаждался происходящим и предвкушал дальнейшие события, что отказываться от собственного плана не хотелось. Да и какой смысл? Он же не собирается бить или унижать Ксению. И как бы ни закончились их пока не начавшиеся отношения — девушка получит из них хорошую выгоду. Игорь никогда не обижал любовниц, со всеми расставался, что называется,

полюбовно.

Впрочем, до этого момента ещё надо дожить. А пока... а пока пора делать следующий ход.

Больше всего Ксюша любила субботы. Особенно субботние утра — когда ты знаешь, что впереди ещё два дня выходных, и никуда не надо спешить. И можно поспать подольше, поваляться в кровати, наслаждаясь вялой дремотой во всём теле...

Но поспать Ксюше не дали. Ровно в десять, когда она уже начинала испытывать угрызения совести от собственного времяпрепровождения, в дверь позвонили. На кухне сразу заворчала Инна Васильевна — она, хоть и вставала сама с утра пораньше, Ксюшу никогда не будила.

— Кого ещё черти принесли... — забурчало в коридоре. — Да иду, иду, хватит трезвонить... — Щелчок открывшейся двери. — Тебе чего, любезный?

— Здравствуйте, я из компании «Трулайф» — курьерская доставка по Москве и области. У меня посылка для Ксении. Вы Ксения?

— Шо, опять? — то ли возмутилась, то ли восхитилась Инна Васильевна. — Неужели цветы?.. Не, не похоже. Я не Ксения, но я за неё. Давай, распишусь.

— Мне надо...

— Слышали уже. Спит она. Я передам всё, не переживай.

Спит?... Как тут спать, когда там опять... что он на этот раз придумал?!

Ксюша резво вскочила с постели и побежала в коридор, но оказалось, что Инна Васильевна уже переместилась на кухню вместе с коробкой красного цвета и задумчиво щёлкала над ней ножницами.

— О, Ксюня! С добрым утром. А тут вот неизвестную фигню какую-то принесли. Открываем?

— Открываем, — кивнула Ксюша, и хозяйка квартиры решительно вскрыла коробку.

Секунд десять они смотрели на содержимое, глупо хлопая глазами, а потом Ксюша улыбнулась.

— Забавный у тебя ухажёр, — протянула Инна Васильевна, доставая из коробки бутылку белого вина — кажется, это был тот самый гец... гер... ну, вы поняли — и большую упаковку сыра с голубой плесенью. — Подкармливать решил.

— Я просто говорила, что люблю этот сыр, — Ксюша рассмеялась. Ей почему-то было легко и очень приятно. — Вот он и...

— Ага. А вино ты такое тоже любишь?

— Теперь да...

— Угу. Угостишь?

— Конечно, Инна Васильевна! — Ксюша кивнула, убирая бутылку вина и сыр в холодильник. — Вечером разопьём!

Хозяйка квартиры озабоченно разглядывала коробку, чуть хмурясь.

— Смотри, Ксюня, осторожнее. А то так сначала цветы, потом сыр с вином, а чуть погода и колечко на палец...

— Да ну вас, — отмахнулась Ксюша.

— Ты меня только предупреди, если съезжать вздумаешь.

— Не вздумаю. Яичницу будете на завтрак? Я бы сделала.

— Делай. Поухаживай за мной.

— Договорились, — засмеялась девушка, открывая холодильник и чувствуя себя при этом так, будто она уже выпила это присланное вино.

*

Эйфория быстро схлынула, оставив после себя ощущение чего-то неправильного.

Приманка для дикого зверька, наживка для рыбы, силоч для птицы. И главное — «жертва», то есть она сама, с радостью глотала все эти умело расставленные ловушки, не имея ни возможности, ни сил от них отказаться.

И даже злиться толком не получалось. Слишком у него это всё... ненавязчиво выходило. Прочие Ксюшины «ухажёры» сразу заявляли о намерениях и начинали переть вперёд, как бульдозеры, пугая её своим напором. Игорь Андреевич, как нашкодивший кот, делал вид, что он ни при чём. И ни о каких намерениях не заявлял, отчего Ксюше казалось, что она это всё придумала, и на самом деле мужчина не собирается сближаться с ней ещё больше.

Телефон молчал, и она, немного поколебавшись, отправила краткое смс-сообщение всего с одним словом. «Спасибо».

Поначалу отчёт о доставке не приходил, и Ксюша даже немного попереживала — мало ли, вдруг что-то случилось? Самолёты, бывает, падают...

Сообщение дошло через полтора часа, и вслед за отчётом пришёл краткий ответ.

«Не за что, Ксения».

Ещё минут десять она колебалась. Но написать всё же проще, чем сказать, по телефону или глядя в глаза...

«Чего вы хотите от меня, Игорь Андреевич?»

Дождаясь ответа, Ксюша тряслась, как осиновый лист.

«Просто улыбнитесь. Больше ничего».

Вот же... продюсер.

«Я не об этом спрашиваю. Вы же поняли!»

И впервые в жизни мелодия от пришедшего смс-сообщения показалась Ксюше похожей на издевательский смешок.

«Я понял. Но об остальном мы с вами поговорим, когда я вернусь. Не накручивайте себя и отдыхайте».

Ещё минут пять она гневно пыхтела, но всё же не выдержала.

«Мне кажется, я вас ненавижу».

Ответ пришёл почти сразу.

«Вам кажется».

Ксюша истерически рассмеялась, прижимая ладони к пылающим щекам. И почему-то ей подумалось, что на том конце земного шара Игорь Андреевич тоже смеётся... хоть и без пылающих щёк.

А потом она осознала: он написал «когда я вернусь». Значит, собирается встретиться с ней ещё раз?

Надо отказаться, конечно. Надо. Но ещё надо смотреть правде в глаза...

Вряд ли у неё получится.

*

Позже Ксюша сходила в магазин, немного почитала, сварила суп вместе с Инной Васильевной, а ближе к вечеру, когда на улице зарядил дождь, они, как и намеревались, сели распивать вино и лакомиться сыром с плесенью.

— Это кто ж у тебя такой щедрый-то, а? — хмыкнула хозяйка квартиры, любуясь игрой света в бокале. — Вино явно не из самых дешёвых.

Что Ксюша могла сказать?

— Да он не у меня. Он сам по себе. — Инну Васильевну нужно было срочно отвлечь, поэтому девушка поинтересовалась: — А вы почему так и не вышли замуж? Я давно хотела спросить.

— Да дура потому что, — вздохнула Инна Васильевна, отпивая из бокала. — Эх, вкусное... Был у меня ухажёр, да ещё какой. Настоящий мужчина. По всем правилам обхаживал, жениться хотел... Но я, понимаешь, в то время была двадцатилетней дурочкой, и мне казалось, что тридцатипятилетний мужик — это почти старик. Сейчас смешно... В общем, отказала я ему, нехорошо так отказала, унизила даже, опозорила. Обидела его крепко, и он ушёл. Потом я опомнилась,

да и заскучала по нему, попыталась всё исправить, прощения просила, но бесполезно. Он в итоге в другой город переехал по работе, диссертацию защитил, сначала кандидатскую, затем докторскую. Женился, двоих детей родил. Короче говоря, всё у него в жизни сложилось. В отличие от меня.

Инна Васильевна поставила бокал на стол и взяла маленький кусочек сыра. Говорила она спокойно, даже не горько. Так обычно говорят люди, давно переболевшие своим несчастьем и смилившиеся с ним.

— Но неужели после него никого не было? — осторожно спросила Ксюша.

— Почему не было? Было, и много. Вполне достаточно, я бы сказала. Просто... не любила я никого, Ксюнь. Не могла, всех с ним сравнивала. А когда опомнилась и захотела хотя бы ребёнка себе родить... поздно оказалось. Не получилось. Ну да ладно. У каждого своя судьба.

Ксюша молчала, вспоминая родителей. Действительно — у каждого своя судьба, своя история ошибок, многие из которых зачастую не исправить.

— А он... жив?

— Жив, — кивнула Инна Васильевна. — Общие знакомые у нас есть, я иногда справляюсь у них о нём. А вот он обо мне никогда не спрашивает. — Она усмехнулась. — Отсёк, как лишнее. Смог. А у меня это даже за тридцать пять лет не получилось. Вот... А ты спрашиваешь, почему я так и не вышла замуж. Говорю же — дура.

Ксюша покачала головой.

— Нет, почему? Просто вы однолюб. У меня папа такой был.

— Папа был, говоришь? А мама?

Девушка чуть заметно улыбнулась.

— И мама. Но поняла она это только после того, как папа умер.

— Да-а-а, — протянула Инна Васильевна. — Вот это самое печальное. Когда ты понимаешь что-то важное, а исправить уже не можешь. Поздно.

Ксюша хотела сказать, что верит — поздно никогда не бывает — но не успела.

— Ладно, Ксюнь, хватит с нас этих печальных разговоров, а то я потом полночи спать не буду. Расскажи мне лучше о своём И.В. Это гораздо интереснее.

Ксюша сама не поняла, как так получилось, но она вдруг выпалила:

— Он меня старше на двадцать шесть лет.

Инна Васильевна кашлянула.

— Эм... То есть... Пятьдесят один ему, да?

— Угу.

— М-да...

Они помолчали.

— Вы... считаете... что это ненормально?

— Нет, Ксюнь, — вздохнула хозяйка квартиры. — Я считаю, что это нестандартно. Но не более.

— Нестандартно?

— Да. В обществе существуют стандарты, и вы в них не вписываетесь. Больше пятнадцати лет разницы в возрасте — много. Но... Ксюнь... Если тебе не комфортно с человеком твоего поколения, но комфортно с мужчиной пятидесяти лет — разве это преступление? Другое дело... не хочет ли он просто развлечься за твой счёт? Хотя ты не относишься к девушкам, подходящим для развлечений, но мало ли.

— Подходящих для развлечений девушек у него и без меня достаточно, — усмехнулась Ксюша. — А я... деликатес для гурмана, видимо.

— Главное, что ты это понимаешь, — серьёзно сказала Инна Васильевна. — И на самом деле во временных отношениях нет ничего страшного, если никто никого не обманывает и не обещает надеть кольцо на палец.

— Не обещает, — Ксюша засмеялась. — Этого он уж точно не обещает...

— Тогда бери то, что он может тебе дать. Если тебе это нравится, почему нет?

Ксюша не стала говорить — потому что я боюсь. Однажды она уже доверилась мужчине, а после получила удар ножом в спину. И ещё какой удар...

Второго такого удара она может и не выдержать.

*

Конечно, это была чистейшей воды глупость. А чем ещё может быть факт послания смс-сообщения с текстом «Бы-

ло очень вкусно» в десять часов вечера?!

Ксюша и сама понимала, насколько это глупо. Но... но телефон запиликал, и её сердце замерло.

«Я очень рад, Ксения».

И смайлик.

— Ой, дура-а-а-а... — бормотала она, набирая ответ.

«Спасибо ещё раз. Вы уже в Америке?»

«Да».

«А сколько у вас времени?»

«Двенадцать дня».

Ксюша закусила губу. Интересно, что Игорь Андреевич сейчас делает? И как бы это вызнать, не показавшись навязчивой?

Но она не успела ничего придумать — телефон зазвонил.

На этот раз сердце не замерло — оно упало в пятки...

— Алло...

— Добрый вечер, Ксения.

Какой лукавый голос. Наверное, ему действительно было очень смешно...

— Добрый... день, Игорь Андреевич. У вас же день.

— Для меня вечер. Ещё не перестроился.

— Это тяжело, наверное?

— Не очень, Ксения. Я быстро привыкаю к смене поясов. Сложнее всего — не зевать в первый день на деловых встречах.

Она улыбнулась, представив себе зевающего Игоря Ан-

дреевича. Да ещё и на деловой встрече!

— Вот сейчас назеваюсь впрок, пока с вами говорю. Специально вышел из конференц-зала в коридор.

— Ой... Я вам помешала?

— Нет, — он явно усмехнулся. — Это же я вам позвонил, Ксения, а не вы мне.

— Так я перед этим бомбардировала вас смс-ками.

— Знали бы вы, как меня Настя бомбардирует, — засмеялся Игорь Андреевич. — Вот это бомбардировка так бомбардировка. А у вас просто лёгкий обстрел.

Ксюша хихикнула, опускаясь на постель. Провела рукой по одеялу — покрывало она к тому времени сняла — и вдруг вспыхнула, представив этого мужчину сидящим рядом с ней.

— Значит, вы ненавидите меня? — И вновь лукавый голос. — Или теперь, после съеденного сыра и выпитого вина, подобрели и больше меня не ненавидите?

— Эм... Ну, я бы так не сказала...

— Я понял. Значит, буду заглаживать свою вину.

Ксюше стало жарко.

— Опять... что-нибудь подарите?

— Не скажу.

— Игорь Андреевич!

— Ксения!

И смеётся.

— Вот сейчас я опять вас ненавижу!

— Простите меня, Ксения, — сказал он очень тепло и уже

не смеясь. — Разговор с вами — как глоток свежего воздуха, особенно здесь и сейчас. Не обижайтесь.

— Я не обижаюсь, — она вздохнула, сжимая в пальцах одеяло. — Я... боюсь.

Игорь Андреевич молчал несколько секунд.

— Не бойтесь, — а теперь голос был абсолютно серьёзным и каким-то... твёрдым, что ли. — Я не буду вас торопить или на чём-либо настаивать. Не нужно меня бояться.

«А себя?»

— Я постараюсь, Игорь Андреевич.

— Вот и прекрасно. Ксения... меня зовут обратно в зал. Если вы уже ложитесь спать, то спокойной вам ночи.

— Да, я... почти. А вам тогда удачного рабочего дня.

— Спасибо, — кажется, он улыбался. — Мне пригодится.

И куда делось моё благоразумие?

Как у него получается манипулировать мной при полнейшем моём понимании всех его действий? Такое впечатление, что он заранее знает все мои реакции. Может, так и есть? Наверное, это логично для человека его уровня и положения.

Забавно, что я при этом совершенно не могу предугадать, как он поведёт себя дальше. Чего мне ждать от завтрашнего дня? Не представляю. И от этого тоже немного страшно... и волнительно. И волнующе. Даже не знаю, какое слово

точнее выражает моё нынешнее состояние...

А ещё мне немного стыдно, потому что я довольно-таки часто... представляю его рядом с собой. И не всегда это приличные мысли.

Папа говорил: когда любишь — хочется прикоснуться. Со мной подобное впервые за последние восемь лет...

Игорь чувствовал себя совершенно выжатым после прошедшего дня. Его жизнь порой состояла из постоянной болтовни, и иногда это раздражало. Но за всё приходится платить, и чаще всего — личным комфортом и счастьем.

«Я боюсь». Игорь вспомнил об этих словах Ксении уже перед сном, когда рухнул в постель, как срубленное дерево. Было несложно понять, что это значит, так же, как и определить — когда-то Ксению сильно обидели. В противном случае она не была бы столь неуверенной в себе особой.

Боится... Девяносто девять девушек из ста на её месте пользовались бы случаем и открыто радовались удаче. А эта боится.

Игорь с предвкушением улыбнулся, закрывая глаза. Со страхом отношений он ещё не боролся... Тем интереснее.

Так что... пусть боится.

В воскресенье Ксюша целый день ждала... ну, чего-нибудь. Но ничего так и не случилось. И цветов не приносили, и конфет не было, и телефон молчал. То ли Игорю Андре-

евичу не до неё, то ли он передумал за ней... ухаживать, то ли решил дать ей передышку.

Увы, Ксюша совершенно не могла понять, что творится в его опытной и искушённой голове, поэтому решила не паниковать заранее. И просто провела хороший и спокойный день, немного омрачённый молчащим телефоном и отсутствием горячей воды.

А утром в понедельник, когда Ксюша уже была на работе, позвонила Настя Венчур.

— Привет! — жизнерадостно воскликнула она, и так громко, что Ксюша аж подпрыгнула на стуле. — Я тебе хотела предложить сегодня встретиться! Мне безумно скучно без папы. Давай в кафешку сходим, может? Или к нам! Пиццу закажем. Ты заодно, — она хихикнула, — помоешься.

— Не знаю, — ответила Ксюша, буквально вылетев из редакции под недовольный взгляд Виктора. — Честно, неловко как-то.

— Да брось. Чего это неловко? Ты ж была у нас два раза. И при папе! А сейчас с чего вдруг неловко? Ерунда! Приходи, помоешься!

И Ксюша бы отказалась, но выходные наперевес с кастрюльками её доконали, тем более что погода стояла прохладная и довольно-таки противная. А в среду свадьба Стаси и Саши... До среды, конечно, она ещё закоптится, но всё же не так сильно, можно будет обойтись кастрюлькой.

— Хорошо, приду. После работы только, само собой. Ты

меня внизу встретишь или так проходить?

— Так проходи! Ты же помнишь всё, да?

Забудешь тут...

— Помню, конечно.

— Вот! А сначала пиццу съедим, или ты сначала помо-
ешься?

— Помоюсь. У меня после ванны аппетит всегда лучше.

— Отлично! — Настя засмеялась, и почему-то Ксюше по-
слышалось в этом смехе какое-то... торжество, что ли? —
Тогда жду-у-у! У меня, кстати, ещё сыр с плесенью есть!

Ксюша усмехнулась. Сыр с плесенью у неё тоже пока был
— они с Инной Васильевной не доели. Экономили вкусно-
тищу.

— Замечательно, Настюш. До встречи.

— Ага, — хихикнула девочка и отключилась.

*

Ксюше показалось — Виктор хотел ей что-то сказать та-
кое... ехидное и конфликтообразующее, как только она вер-
нулась. Но его занял внезапно пришедший начальник отде-
ла продаж, и девушка вздохнула с облегчением — разговор
был долгим и трудным, поэтому Виктор после его окончания
просто развалился в кресле, на какое-то время не способный
на козни.

Потом она сбежала на обед, затем была встреча с автором,
и в результате, когда Ксюша освободилась, оказалось, что на-
чальство убежало по делам.

Ура!

— У тебя был такой видок, когда ты поняла, что Виктор уже свинтил, — засмеялась Галя Елецкая, обмеряя линейкой какую-то книжку. — Видел бы он, небось, премии бы лишил.

— Ну премии-то нам не за видок дают, а за показатели, а у меня они, насколько я помню, одни из лучших.

— Эк ты скромно. Лучшие они у тебя. По нашей редакции, по крайней мере. Даже несмотря на отвратительный характер... сама знаешь кого.

— Да ладно вам, — фыркнул со своего места Вадим. — Виктор, конечно, вредничает, но захотел бы реальный вред тебе, Ксюш, причинить — причинил бы. А это так всё... ерунда.

— Вот и хорошо, что не хочет, — вздохнула Ксюша. — Увольняться мне тоже не хочется. Я к вам привыкла как-то за шесть-то лет.

— Мы к тебе тоже, — усмехнулась Галя. — Поэтому если Виктор начнёт борзеть... Поставим его на место всем миром.

— Каким же это образом?

— Ну... — мстительно протянул Вадим. — Об эффективности работы начальника лучше всего говорят показатели редакции по сдачам в типографию, так ведь? А если они будут нулевые...

— ... нас всех уволят.

— Ты уверена? Я нет. В любом случае... будет борзеть — посмотрим, кто кого.

Ксюша рассмеялась.

— Ох, ребята... Хорошо, что вы у меня есть.

— Именно, — кивнула Галя. — Коллектив — это страшная сила! А если он хороший, то эта сила — ещё страшнее!

— За это надо выпить, — раздался из угла голос Ольги Алексеевны, а следом оттуда высунулась и она сама... уже с бутылкой. — Тем более, Виктора нет. Сам бог велел.

— Отличная идея! — воскликнула Галя, выдвигая нижний ящик своего стола — там хранились бокалы. — Наливайте, Ольга Алексеевна!

— О неееет... — протянула из-за своего стола Марина, редактор книжек для малышей до трёх лет. — Ребята, но сегодня же понедельник!

— А ты представь, что пятница, — весело сказала Ксюша. — Тогда всё будет хорошо!

... В общем, всё действительно было хорошо. И когда Ксюша уходила с работы, вспомнив, что её ждёт к себе в гости Настя Венчур, ей было прекрасно и очень весело.

Эх, если бы она только знала...

Улыбающаяся Настя встретила Ксюшу у порога.

— Я тебе там всё повесила, как в прошлый раз! Вот, и тапочки держи! Полотенца два — для волос и тела, халатик, шампунь и мыло есть. Как воду включать, помнишь?

— Помнишь, — кивнула девушка, несколько ошарашенная кипучей Настиной энергией. Голова у Ксюши слегка кружилась после выпитого вина, а ещё начинало клонить в сон, поэтому душ будет кстати — заодно взбодрится.

— Отлично! Иди давай. А я минут через тридцать закажу пиццу. Тебе же часа хватит, чтобы помыться?

— Да мне и получаса хватит.

— Ну, я с запасом. Лучше позже, чем раньше, иначе остынет! Всё, иди-иди, а то я голодная! — И Ксюшу буквально втолкнули в ванную.

В зеркале отразилась девушка, кудрявая и румяная просто до безобразия, с блестящими глазами. М-да... кажется, с вином она сегодня всё же переборщила.

Ксюша стащила с себя футболку и лифчик, повесила на один из крючков. Следом отправились джинсы с трусами, и как раз когда Ксюша подошла к ванне и подняла одну ногу, намереваясь забраться туда, открылась дверь, впуская в комнату Игоря Андреевича.

Как она устояла на ногах, непонятно. Но покачнулась точ-

но, и дыхание задержала, и покраснела, наверное, ещё сильнее, чем от вина.

Мужчина застыл, не отойдя от двери даже на шаг. Оглядел Ксюшу совершенно спокойно, только немного удивлённо, а потом поинтересовался:

— Ксения, что вы здесь делаете?

— Мыться собираюсь, — выдохнула она, всё же опуская ногу. Надо бы прикрыться, но... опустить ногу — единственное, на что хватило её сил.

— Ну да, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Это же очевидно.

— А... вы?

— Что — я?

— Вы что здесь делаете?

Он чуть приподнял брови.

— Я? Вообще-то это моя ванная.

Если бы Ксюша могла, она бы рассмеялась.

— Да я... я про другое. Вы же говорили, что возвращаетесь только во вторник. И Настя... она мне ничего не сказала...

— С Настей я на эту тему ещё поговорю, — Игорь Андреевич улыбнулся, опуская глаза и явно изучая Ксюшину грудь. Соски закололо... — Что ж, я пойду. Приятно вам... искупаться.

Он отвернулся, и Ксюша вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила:

— Вы до меня даже не дотронетесь?

Боже. Что она несёт?!

Игорь Андреевич замер. Затем вновь повернулся к ней лицом, и она увидела, что уголки губ у него дрожат будто бы от сдерживаемого смеха.

— Вы так хотите, чтобы я до вас дотронулся? — спросил он тихо, но по-прежнему не двигаясь с места.

Чёрт, ну кто тянул её за язык?!

— Я... — Ксюша сглотнула. — Не знаю... Я просто...

Он подошёл ближе, улыбнулся, глядя ей в глаза.

— Вы просто дразнитесь.

— Нет, — выдохнула девушка, и замерла, потому что Игорь Андреевич поднял руку и коснулся её волос.

— Нет? — Тёплые пальцы погладили щёку. — А мне кажется, дразнитесь. Но Ксения, вы же понимаете, это неправильно. Нельзя дразнить зверя.

— Нельзя, — повторила она, чувствуя, как что-то ност в груди.

— Вы спрашивали, что мне от вас нужно, — продолжал Игорь Андреевич, и его ладонь спустилась ниже, на шею девушки. — Никогда не задавайте вопросы, на которые знаете ответ.

— Я думала... ошибаюсь...

— Нет. Не ошибаетесь.

Ладонь легла на шею сзади, зарылась в волосы, и Ксюша чуть прикрыла глаза — так это оказалось приятно.

— От вас пахнет вином, Ксения, — сказал вдруг Игорь Андреевич, возвращая её с небес на землю. — Вы пили? Надеюсь, не с Настей?

— Нет, — выдохнула она, вновь распахивая глаза. И пошатнулась — лицо мужчины было очень близко.

Игорь Андреевич придержал Ксюшу за талию, не давая упасть, но тут же отпустил.

— Не бойтесь. Я не сделаю ничего без вашего желания.

«В этом и проблема...»

Ксюша, конечно, не сказала этого. Но он понял и так.

— И не бойтесь собственных желаний, — шепнул, в последний раз погладив её по щеке, а затем сделал шаг назад. — Всё, я пойду, Ксения. Мне тоже нужно помыться после перелёта. Купайтесь.

И ушёл. Спокойно, не падая и не спотыкаясь. А вот Ксюша после его ухода тяжело опустилась на бортик ванны, чувствуя себя так, словно... словно это был не просто разговор, а Игорь Андреевич её только что... сделал своей женщиной.

Невероятно. И не дотронулся толком, а будто бы заклеил...

Обычно вода успокаивает, но на этот раз не успокоила. И когда Ксюша, вымывшись, оделась и взглянула на себя в зеркало, то обнаружила по-прежнему розовые щёки и лихорадочно блестящие глаза. Однако хмель прошёл, и теперь окружающее пространство не казалось подёрнутым лёгкой дымкой безмятежности.

— Ладно, — сказала сама себе Ксюша, стоя перед зеркалом. — Спокойно, ничего страшного не случилось. Вдохнули, выдохнули... развернулись и пошли.

Сказать всегда проще, чем сделать, и как только Ксюша вышла из ванной и, поплутав немного в коридорах этой квартиры-лабиринта, добралась до кухни, где сидели Игорь Андреевич с Настей, она вновь начала переживать и окончательно покраснелась. Особенно когда мужчина поднял голову от тарелки с каким-то жареным куском мяса и улыбнулся.

— С лёгким паром, Ксения, — сказал совершенно спокойно, так, будто бы полчаса назад ничего особенного не произошло. Наверное, для него действительно ничего особенного.

Настя сидела на соседнем барном стуле и с виноватым видом чертила что-то пальцем на поверхности стола.

— Ксюш... — протянула она, тоже поднимая голову и

молитвенно складывая ладошки. — Извини, пожалуйста. Я просто... в общем, это была глупая шутка. Простишь?

Точно. Настя. За всеми своими переживаниями Ксюша успела забыть об этой полной коварства девчонке, которая зачем-то её обманула.

— Прощу, — буркнула Ксюша, отводя глаза. — Не буду мешать вам отдыхать, Игорь Андреевич. До свидания. Настя... ты не закроешь за мной?

Девочка непонимающе и обиженно захлопала ресницами.

— Ты... уже уходишь? Па-а-а! — Настя ткнула Игоря Андреевича пальцем в плечо. — Сделай что-нибудь!

— Скажи спасибо, что Ксения вообще с тобой разговаривает. — Мужчина отложил приборы и встал со стула. — Пойдёмте. Я вас выпущу.

— Но па-а-а!!

— Настя, — произнёс он с холодной суровостью, — сиди и помалкивай. Вижу, ты ничего не поняла из того, что я тебе сказал. Так что больше ни звука.

Ребёнок надулся, и Ксюше даже стало чуть-чуть жаль Настю.

— Игорь Андреевич... я правда не обижаюсь. Я и сама виновата, забыла закрыться. У нас с Инной Васильевной дома замков нигде нет, ни в ванной, ни в туалете. Бзик у неё, родственница от инсульта в ванной умерла, вот я и не привыкла запираяться... Я просто не хочу вам мешать, вы же устали после перелёта.

— Я понимаю. А вы эту нахалку не жалейте, нечего её жалеть. Пусть подумает о своём поведении. Вернусь — расскажешь, что надумала, Настя.

«Так вы разве надолго? — подумала Ксюша с удивлением. — До двери же только...»

Оказалось — ошиблась. Игорь Андреевич вышел из квартиры вместе с ней и невозмутимо вызвал лифт.

— А вы... куда? — оторопело поинтересовалась Ксюша.

— Я вас отвезу.

— Что?.. Вы с ума сошли! После самолёта!

— После самолёта сошёл с ума? — Игорь Андреевич улыбнулся, внимательно глядя на Ксюшу. — Интересный... диагноз. А вот и наш лифт. Заходите, Ксения.

— Вы... — Она осталась стоять на месте, гневно сверкая глазами. — Я никуда не поеду!

— Не поедете? Хорошо. Тогда возвращаемся, и вы ужинаете вместе со мной.

— Вы... — повторила опять Ксюша. — Игорь Андреевич!

— Ксения! — он лукаво улыбнулся, не отрывая взгляда от её возмущённого лица.

— Ну так же нельзя!

Лифт закрылся, и Игорь Андреевич вновь его вызвал. Двери сразу разъехались, и мужчина, подхватив Ксюшу под локоть, мягко, но настойчиво проводил её в кабину.

— Можно.

Ксюша вздохнула, двери закрылись, и лифт рванул вниз.

— Это неправильно. Вам спать надо, отдыхать, а не всяких девиц по домам развозить.

— А я и не развожу «всяких девиц». Только вас. И перестаньте упрямяться, это займёт у меня от силы час-полтора.

— Могли бы такси вызвать, как в прошлые... разы.

— Скажите, Ксения, — Игорь Андреевич сделал шаг вперёд и оказался почти вплотную к ней, — по-вашему, я не имею права на капризы?

— При чём здесь это? — она нервно сцепила руки перед собой. Так близко... прикоснуться бы. Но не в лифте же!

— При том. Считайте, что это мой каприз, — улыбнулся Игорь Андреевич, пристально изучая её губы. — И не переживайте так из-за него.

Лифт остановился, двери открылись, и Ксюша поняла, что они приехали на подземную парковку.

— Судя по вашему лицу, вы сейчас переживаете очередной этап ненависти ко мне, — хмыкнул Игорь Андреевич, и Ксюша не удержалась от улыбки.

— Да, вы правы.

— Прекрасно. Выходите, Ксения, лифт нас вечно ждать не будет, закроет двери и помчится по дальнейшим делам.

— Вас нереально переупрямить, да? — вздохнула она, выбираясь наружу.

— Почему же? Просто нужно больше практиковаться. Тогда, возможно, у вас появится шанс... маленький. Совсем небольшой.

Она фыркнула.

— Ладно. Тогда буду практиковаться.

— Договорились, — кивнул Игорь Андреевич, но Ксюша видела по его глазам и лукавой улыбке — нет у неё никаких шансов. Абсолютно никаких...

*

Хорошо, что в машинах она не разбирается. А то сейчас, наверное, в обморок упала бы от осознания стоимости этого чуда. А так — машина как машина. Чёрная, чистая, не джип и не спорткар. Всё остальное Ксюше было неведомо.

Хотя... нет, кое-что оказалось ведомо — салон, обитый светло-бежевой натуральной кожей. Но это и дура бы поняла...

Заметив пепельницу на приборной панели, Ксюша удивилась и спросила:

— Вы же... не курите, Игорь Андреевич?

— Не курю, — кивнул мужчина, выезжая на улицу с оживлённым движением. Ксюша обеспокоенно на него посмотрела: наверное, тяжело водить машину после десятичасового — или сколько там из Америки лететь? — перелёта? И зачем только решил её домой отвезти, она бы и сама прекрасно доехала на общественном транспорте... — Это Борис курит, мой шофёр. Дома за ним жена следит, так что обычно отрывается, когда меня куда-то возит. А как вы поняли, что я не курю? Я вроде не говорил.

— От вас не пахнет, — выпалила Ксюша и только потом

сообразила, как именно это прозвучало. — Ну, в смысле... Опять я вас рассмешила.

Игорь Андреевич действительно тихо смеялся, но у него это получалось совсем не обидно.

— Да, это было забавно. Но я понял, о чём вы, Ксения. От курящих людей на самом деле есть особый запах, я тоже частенько его ощущаю. Настя, — он усмехнулся, — как-то попробовала курить, одноклассники соблазнили. Пришла домой, сделала морду кирпичом — мол, я ничего не знаю, всё в порядке. Я унюхал, конечно, и сразу спросил — курила? Она в несознанку играть начала, глазки невинные сделала — нет, говорит, папа, это я просто рядом стояла. Послушал я её, а потом сказал — ещё раз рядом постоишь и познакомишься с чудесным папиным ремнём.

Ксюша улыбнулась.

— Жестоко.

— Зато действенно.

— Это вы просто умеете... м-м-м... пригрозить. Большинству подростков грози-не грози — безразлично. А Настя знает, что папа может, вот и старается.

— И правильно делает.

Начались знакомые места, и Ксюша вздохнула — совсем скоро они приедут. Жаль, что так быстро доехали.

«Прекрасно. То тебе не хотелось, чтобы он тебя после перелёта домой отвозил, а теперь «жаль, что так быстро доехали». Где логика?! Нет логики!»

— А Настина мама... она, простите, от чего умерла?

Ксюша не сразу решилась задать этот вопрос, да и вообще бы не решилась, если бы не память о том, что Игорь Андреевич в прошлый раз говорил о её смерти спокойно.

— Опухоль мозга.

Он и на этот раз тоже ответил очень спокойно.

— Я... соболезню.

— Спасибо. Знаете, Ксения, — Игорь Андреевич вдруг улыбнулся, — насколько вы необычны?

— Что? — она подняла брови. — Вы о чём?

— О том, что вы, видимо, не изучили должным образом мою биографию в интернете. Честно говоря, я не представляю, кто ещё из моих знакомых поступил бы так же.

— Ну, — Ксюша засмеялась, — я просто считаю, что это немного нечестно. Вы-то про меня ничего не можете прочитать в интернете... Но я смотрела с вами видео!

— Видео?

— Да, интервью. Мне было интересно.

Он усмехнулся.

— Так-так. И что вы думаете о моих интервью?

— Что вы умеете отвечать на каверзные вопросы и вообще мастерски, извините, изворачиваетесь. Спросили об одном, а вы тюк — и на другую тему повернули.

— Тюк? Забавно. Да, Ксения, вы верно заметили — иногда приходится изворачиваться, если тебе задают вопрос, на который ты не хочешь или не можешь ответить.

— А чаще — не можешь или не хочешь?

— Чаще и то, и то. И не можешь, и не хочешь. Одно тянет за собой другое. Так... Ксения, это ваш дом, судя по навигатору?

— Да, — она вздохнула. — Мой.

— Отлично. Видите, довёз я вас. А вы боялись.

— Вам ещё назад ехать...

— Ничего, справлюсь как-нибудь.

Игорь Андреевич с трудом нашёл место для парковки недалеко от Ксюшиного подъезда, а припарковавшись, повернулся к девушке, расстёгивая ремень безопасности.

— Пойдёмте, доведу вас до квартиры, как настоящий джентльмен.

— А может...

— Могу, могу. — Он открыл дверь со стороны, где сидела Ксюша, и помог ей выйти из машины. — Показывайте дорогу.

Что-то сжималось внизу живота, пока она вела Игоря Андреевича к подъезду, набирала код, шла к лифту. Здесь, в доме, где Ксюша снимала квартиру, всё было иначе — обычный подъезд, внутри которого пахло совсем неаппетитно, заплёванная лестница, дурацкие надписи на стенах.

— Наверное, вы давно не бывали в таких местах... — пробормотала она, вызывая лифт, и замерла, когда Игорь Андреевич мягко улыбнулся.

— Ксения... Я родился не среди золота и даже без сереб-

ряной ложки во рту. До моих десяти лет мы жили в бараке, где не было ни горячей, ни холодной воды. Зато была кухня народу, особенно детей. Потом перебрались в квартиру в крошечной пятиэтажке с низкими потолками без лифта. И воду горячую в то время, кстати, выключали на всё лето, а не на десять дней, как сейчас.

— Ужас какой.

— Ужас. Но так жила вся страна, не только я. Мои родители были людьми небогатыми — папа рабочий, мама простая уборщица. С серебра я не ел. Так что... в одном вы правы — я давно не был в таком доме. Но меня им не удивить.

Лифт наконец доехал до первого этажа и неторопливо задребезжал открывающимися дверьми. Он был обычным, не грузовым, а просто гробиком, покрашенным изнутри серебряной краской, которая вся была исцарапана различными глупыми надписями, в том числе и матерными.

Ксюша смущённо кашлянула, поднимая глаза — Игорь Андреевич стоял почти вплотную к ней. Да он и не мог в этом лифте по-другому стоять...

— Извините, — сказала девушка, глядя в глаза за стёклами очков в тёмной оправе, — домой я вас не приглашу. Я хозяйкой в квартире живу, она не разрешает.

— Ничего, Ксения, — ответил Игорь Андреевич невозмутимо, вновь опуская взгляд на её губы. — Я сейчас всё равно не в состоянии ходить по гостям.

— Устали? — протянула Ксюша виновато, и он кивнул.

— Да. Приеду — и сразу спать.

Лифт застыл на шестом этаже, двери с грохотом раскрылись, и Ксюша шагнула на лестничную площадку. Игорь Андреевич последовал за ней.

Уже возле квартиры девушка обернулась и, рвано выдохнув, сказала:

— Ну... вот.

Он улыбнулся, застыв в шаге от Ксюши.

— Значит, здесь вы живёте?

— Здесь, — она кивнула, чувствуя себя кроликом перед удавом. — Я... вы идите...

— Иду, — засмеялся Игорь Андреевич, делая шаг вперёд и оказываясь совсем рядом с ней. — Вот, пришёл.

— Нет, — Ксюша улынулась. — В другую сторону.

— В какую?

Он поднял руку и коснулся её волос. Ксюша задержала дыхание, тут же забыв, о чём он спрашивал.

— Ксения? — Игорь Андреевич погладил её щёку кончиками пальцев. — Вы слышите меня?

Она таки смогла выдохнуть.

— Не уверена.

Он усмехнулся, касаясь щеки девушки теперь уже целой ладонью.

— У вас очень нежная кожа. Шёлковая и тёплая.

А вот у него ладонь была не тёплая, а горячая, но у Ксюши не было сил это рассказывать.

— Нежная девочка... — вдруг прошептал Игорь Андреевич, запрокидывая ей голову и склоняясь над её лицом. — Очень нежная девочка...

И его дыхание на губах Ксюши тоже было очень горячим. Да и она сама уже сгорала от нетерпения, ожидая, когда он наконец коснётся её губ своими.

Но ничего этого не случилось, потому что на лестничной площадке раздался жуткий лязг — именно с таким лязгом открывалась входная дверь квартиры Инны Васильевны.

— Ксюня! — воскликнула женщина удивлённо, от неожиданности чуть не уронив пакет с мусором. — А что это... А-а-а. Ага. Ладно, я пока... не буду вам мешать.

И дверь вновь закрылась.

Игорь Андреевич, за это время так и не отпустивший Ксюшу, улыбнулся, вновь глядя ей в глаза.

— Забавная у вас хозяйка. И халатик с ромашками.

— Да, — Ксюша нервно рассмеялась. — И соломенная шляпка ещё есть...

— Соломенная шляпка — это замечательно, — сказал мужчина тихо, поглаживая Ксюшин затылок и перебирая пальцами пряди волос. — Ксения...

Она прикрыла глаза, ожидая поцелуя, но его вновь не последовало.

— Хорошего вам вечера, — шепнул Игорь Андреевич, в последний раз погладив её по щеке, а затем отпустив. — И спокойной ночи.

— Спокойной, — Ксюша чуть покачнулась — ноги были словно ватные. — Я... да. До свидания.

«До свидания»... А ведь не хотела же никаких свиданий...

— До свидания, — кивнул Игорь Андреевич, улыбнулся — и почти побежал вниз по лестнице, словно не взрослый пятидесятилетний мужчина, а обычный мальчишка.

Возвращаясь к своему БМВ, Игорь был готов ко всему — от снятых шин до исцарапанного лобового стекла, но за его отсутствие ничего подобного не случилось, и мужчина вздохнул с облегчением. Сел в машину, завёл мотор и, тронувшись с места, усмехнулся.

Зачем он вообще решил отвезти Ксению? Всё просто — Игорю хотелось увидеть, как она будет держать себя после случившегося в ванной. Её искренние и неподдельные реакции весьма его забавляли. Хотя она, конечно, очень старалась скрыть свои чувства, и порой это даже получалось. Но Игорь слишком хорошо разбирался в людях, поэтому просчитывал Ксению моментально.

Любопытно. Она ведь не дурочка, всё прекрасно понимает, и даже сопротивляется... немного. Потому что на самом деле хочет этого не меньше, чем он сам. Игорь был совершенно уверен, что так оно и есть — он уже давно жил на этом

свете и научился безошибочно распознавать сигналы тела. Реакции Ксении говорили ему ясно и чётко — он ей нравился. И все метания девушки были связаны в первую очередь со страхом отношений. Хотя... возможно, возраст Игоря и его деньги тоже играли свою роль, но в гораздо меньшей степени, чем он поначалу ожидал.

Кто бы мог подумать, что общение с этой нежной девочкой будет приносить столько удовольствия. Игорь давно не завоевывал женщин, он забыл, что это такое — когда кровь в жилах горит от охотничьего азарта, когда пытаешься просчитать каждый шаг и постоянно думаешь, правильно ли поступил в том или ином случае.

Вот, например, сейчас. Может, стоило поцеловать Ксению? Он ведь хотел. Нет. Он жаждал. Именно поэтому и не поцеловал — интуитивно почувствовал, что такой резкий шаг вперёд пойдёт во вред его плану. Ксения испугается. Она и так после сегодняшнего конфуза в ванной дрожала, словно лист на ветру, ещё и поцелуя могла и не выдержать.

«Не торопись, — говорил много лет назад отец Игоря. Он был обычным токарем на заводе, но при этом умнейшим человеком. — Никогда и ни в чём не торопись. Быстро не бывает хорошо. Иногда, конечно, требуются мгновенные решения, но даже они должны быть взвешенными».

Отец умер в лихие девяностые — сердце не выдержало развала Советского Союза, а затем и закрытия родного завода, на котором он проработал всю жизнь. Мать ненадолго его

пережила. Она была диабетиком, а в то время с лекарствами приходилось туго, и однажды ей просто не хватило дозы. В общем, родители так и не увидели стремительный подъём сына «из грязи в князи». Может, и хорошо, конечно... Некоторыми поступками Игорь вовсе не гордился. Но тогда было такое время — либо ты, либо тебя.

В любом случае — спасибо отцу за науку. Пригодилась.

Сегодня, зайдя в собственную ванную и увидев обнажённую Ксению, Игорь с трудом удержал лицо, да и не только его. Нестерпимо захотелось плюнуть на всё и подмять её под себя. Потом, конечно, пришлось бы менять тактику... но неужели он бы не справился? Ерунда, справился бы.

Но... неинтересно. Пришёл, увидел, победил — скучно. Игорь хотел дать Ксении дополнительное время и возможность пометаться, осознать, чего она хочет на самом деле. И когда он наконец впервые овладеет её восхитительным телом, она сама будет дрожать от нетерпения и желания. Впрочем, Ксения уже немного дрожала... но пока больше от страха.

Упоительнее всего окажется почувствовать её нежный ротик на своём члене, но до этого точно ещё далеко. Игорь обошёл минет, но понимал — придётся потрудиться, чтобы Ксения привыкла к нему и достаточно раскрепостилась. Однако цель того стоит. И минет в её исполнении станет самой настоящей вишенкой на торте...

На горизонте показалось высотное здание, в котором на-

ходила квартира Игоря, и мужчина вздохнул — сейчас, до того, как идти спать, необходимо разобраться с Настей. Он её уже здорово отругал за авантюру с ванной, но чувствовал — мало. Теперь надо закрепить результат.

Пиликнул телефон, лежавший на соседнем сиденье. Игорь скосил глаза — смс-сообщение было от Ксении. Ну конечно.

«Вы доехали? Всё в порядке?»

Усмехнулся, но отвечать пока не стал — не доехал ведь ещё. Волнуется... милая девочка.

Его девочка.

Застывшая посреди коридора в халатике с ромашками и пакетом мусора в руке Инна Васильевна выглядела крайне забавно, но лицо у неё было серьёзным и озабоченным.

— Боже мой, Ксюня, — пробормотала она, как только Ксюша зашла в квартиру, — это и есть твой... И.В.?

— Да, — кивнула Ксюша, улыбнувшись. Ей было одновременно и смешно, и неловко, и радостно, и чуть-чуть страшно.

— Ксюня... Бедненькая ты моя... — вздохнула Инна Васильевна, качая головой. — Тебе и так по жизни досталось от какого-то дурака, сама же говорила, а этот... он же тебя вообще растоптать может, в порошок стереть. Матёрый волчище...

— Волчище. — Ксюша засмеялась. — Да, это вы точно сказали, Инна Васильевна... Матёрый волчище. Я понимаю.

— Ну раз понимаешь... В общем, беру свои слова назад. Не надо тебе с ним... Беги лучше, и поскорее!

— Поздно, — усмехнулась девушка, проходя в комнату. И повторила, глядя в зеркало на своё раскрасневшееся лицо:

— Поздно...

Она услышала, как Инна Васильевна лязгнула дверью, вы-

ходя на лестничную площадку. Посмотрела на часы. Надо бы поужинать... Но не хочется.

Ксюша переоделась в домашнюю одежду, а затем прошла на кухню, думая хотя бы чаю попить. Там уже сидела грустная Инна Васильевна и поглощала клубнику из большой миски.

— Хочешь? — спросила она, и Ксюша кивнула.

— Ага. Хочу.

Женщина вновь тяжело вздохнула.

— Ладно вам, Инна Васильевна, — улыбнулась Ксюша, садясь рядом. — Может, я феникс по натуре и мне всё время надо возрождаться из пепла? Кто знает?

— Эх, Ксюня... — Хозяйка квартиры придвинула к девушке миску с клубникой. — Люди же не птицы...

Ксюша хихикнула и запела:

— А тучи как лю-юди-и-и... Как люди они одино-о-оки...

Но всё-таки тучи-и-и не так жесто-о-оки-и-и...

— Вот именно, — фыркнула Инна Васильевна, слегка смягчаясь. — Но ты всё равно эту ерунду больше не пой.

— Не буду.

*

Расправившись с клубникой минут за десять, Ксюша вернулась в комнату. Взгляд сразу упал на лежавший на столе мобильный телефон, и девушка, закусив губу, подошла и взяла его в руку. Выдохнула и набрала: «Вы доехали? Всё в порядке?»

Не могла она не спросить — слишком волновалась. Сумасшедший, зачем только затеял это всё... Впрочем, Ксюша на самом деле понимала, зачем, просто не желала об этом думать.

Если бы Игорь Андреевич просто отпустил её в тот вечер, не стал подвозить... Она бы не вернулась, поставив точку в их странной истории. Но он не дал ей даже малейшей возможности поставить эту точку.

Телефон молчал, и Ксюша, слегка дрожа, села на постель, сжимая в руке трубку. Хоть бы всё было в порядке, хоть бы, хоть бы...

Краткий сигнал от пришедшего смс-сообщения.

«Да».

Выдох. Вдох.

Что же она такая глупая...

Я не могу спать, всё прокручиваю в голове случившееся за день, и думаю.

Понимая происходящее, я послушно иду туда, куда он ведёт меня, словно овечка на заклание. Он показал свой интерес ко мне — и тут же отступил, не лишая иллюзии возможности выбора. Он мог бы поцеловать меня сегодня, но не стал этого делать, доказав, насколько умеет контролировать свои чувства. По правде говоря, сегодня он мог не

только поцеловать, и я бы даже не сопротивлялась. Потом ненавидела бы себя и его тоже, но не сопротивлялась...

Он не хочет, чтобы я ненавидела. И не ищет лёгких путей. Привязывает меня к себе не тонкой ниточкой, а стальным канатом. И мне интересно, по-настоящему интересно — что он будет делать дальше?..

А ещё я сегодня всё время вспоминаю Андрея. Знаю, это неправильно, да и поклялась я больше его не вспоминать, но сегодня не могу.

Моя первая любовь. Такая глупая и безжалостная. Иногда даже не верится, что всё это было со мной...

Но ведь было.

Ксюша тогда училась на первом курсе института. Семнадцать лет... Провинциалка, приехавшая в Москву из Чебоксар, милая и стеснительная пухляшка. Она тогда весила килограмм на двадцать больше, чем сейчас, страшно смущалась, если с ней заговаривали (особенно парни) и вообще старалась лишний раз не высовываться. Жила в общежитии, с соседками общалась нормально, но не сдруживалась — она была слишком заучкой, а они — слишком очарованными столицей и её возможностями.

Андрей Аракчеев — так его звали. Высокий, жилистый брюнет с обворожительной улыбкой и смеющимися глазами,

предмет обожания всех девочек с Ксюшиного курса. Что же касается её самой... Нет, он ей, конечно, нравился — разве может такой парень не понравиться семнадцатилетней девушке? — но влюблена она не была. До тех пор, пока он сам не стал за ней ухаживать.

Всё началось с кинотеатра, куда они пошли всем курсом. Именно там Андрей сел рядом с Ксюшей, а в середине сеанса вдруг взял за руку. Так и сидел весь сеанс, а Ксюша от смущения и удивления не знала, куда себя деть.

После кино Андрей пригласил её погулять, водил в кафе, кормил пирожными, смотрел ласково и умильно. Ксюша не понимала, что и думать, а спрашивать боялась.

А дальше... началось. Цветы, конфеты, мягкие игрушки, ненавязчивые объятия. На занятиях Андрей теперь сидел рядом с Ксюшей, носил её сумку и предупреждал малейшее желание. Хочешь водички? Сиди, я схожу. Проголодалась? Я сбегаю в столовую, а ты отдыхай.

До общежития провожал, звонил ей постоянно, и даже доклад за неё как-то сделал, когда Ксюша болела. В общем, строил из себя по уши влюблённого.

И она, конечно, тоже по уши влюбилась. Хотя почему «тоже»? Андрей, как оказалось, влюблённым не был.

Увы, но только в фильмах парни, поспорившие на девушку, в эту самую девушку влюбляются. В жизни совсем не так. И Андрей, поспорив на Ксюшу, в неё не влюбился. Он изрядно повеселился над ней, пока завоёвывал её сердце, стремясь

к одной-единственной цели — затащить скромную пухляшку-заучку в постель.

Затащил. Ксюша сама захотела. Андрей, конечно, постарался сделать всё, чтобы она захотела, к концу своих ухаживаний перейдя из пассивных к активным действиям — целовал так, что голова кружилась, дарил дорогие подарки, признавался в любви чуть ли не каждый день. Ксюша тогда была счастлива, ей казалось, что она парит над землёй, не касаясь её даже кончиками пальцев ног. Она летала, постоянно улыбаясь, словно настоящая идиотка... да она и была идиоткой. В семнадцать-то лет.

Постель, усыпанная лепестками белых роз... Ксюша надолго её запомнила. Не только потому, что это было удивительно романтично — Андрей, уставший от надоевшего ему спектакля за три месяца, что он окучивал эту «жирную овцу», как он сказал чуть позже, особенно с Ксюшей не церемонился. Физически — не изнасиловал, а вот морально — да.

На следующий день весь институт облетели откровенные Ксюшкины фотографии, сделанные Андреем во время секса при помощи скрытой камеры. А самым близким друзьям он даже видео показал, о чём и сообщил девушке во время признания в обмане.

Ксюша плохо помнила, что ещё случилось в тот день. Кажется, её кто-то подбадривал — далеко не все однокурсники были в восторге от шутки «мажора», как иногда называли

Аракчеева. Но Ксюша всё равно находилась в институте не дольше часа — убежала к себе в общагу, чтобы наконец поплакать. Разбитая, разрушенная до основания... точнее, это тогда она так думала. Думала, что хуже не бывает.

Вечером того же дня Ксюша позвонила родителям и в последний раз поговорила с отцом. Утром он умер, и она помчалась на вокзал — в Чебоксары, к маме, чтобы приободрить её и успеть на похороны, — и ей резко стало не до Андрея. Горе от потери самого любимого человека в её жизни оказалось сильнее.

Ксюша вернулась в Москву через три недели, когда летняя сессия, которую она не досдала, уже закончилась. Забрала документы и пошла поступать в другой вуз на похожую специальность. Только там была не журналистика, а редактирование, но Ксюшу в то время это не колыхало. Главное — предметы первого курса совпадали, и она смогла добиться, чтобы её зачислили сразу на второй. Пришлось побегать, сдавая экзамены за первый курс, но в итоге всё получилось.

Именно тогда Ксюша начала стремительно худеть. За два месяца, прошедших после смерти отца, она потеряла почти десять килограмм. Потом вес убывал гораздо медленнее, но всё же убывал, и к концу второго курса Ксюша слыла одной из самых красивых девушек института. Вот только сама она сторонилась парней и начинала впадать в панику при любой попытке ухаживания. А если задумывалась на тему «а может, дать ему и себе шанс», то через какое-то время выбран-

ный ухажёр доказывал девушке — нет, не стоит. И она не давала.

Игорь Андреевич стал первым мужчиной, пошатнувшим выстроенную Ксюшей стену между ней и людьми противоположного пола. Она уже почти забыла, каково это — замирать от желания поцелуя, жаждать прикосновения, наслаждаться присутствием. И теперь, вспомнив, отчаянно боялась... и отчаянно цеплялась за собственные чувства.

Наверное, просто потому что ни один человек в мире не может вечно жить без любви.

Утром Ксюша проснулась с чугунной головой и резко пожалела о том, что накануне долго не спала — то записывала в дневнике мысли, то просто лежала и думала, глядя в потолок, то ворочалась и вздыхала, вспоминая горячее дыхание Игоря Андреевича на своих губах.

Но работа ждать не станет, и вместо того, чтобы досыпать положенное в тёплой постели, Ксюша поднялась с неё и начала собираться.

Звонок в дверь раздался, когда девушка уже практически вышла из дома, и от неожиданности она даже ключи уронила.

Неужели опять цветы?!

Но нет — это были не цветы. Какая-то небольшая коробочка обычного «картонного» цвета, запаянная скотчем, и серьёзный курьер в кепочке.

— Ваш заказ, — он протянул Ксюше коробку и бумажку к ней. — И вот здесь распишитесь.

— Подождите, — она замахала руками, — какой заказ? Я ничего не заказывала. Это какая-то ошибка!

— Никаких ошибок, — отрезал курьер. — Ксения Мартынова вы?

— Я.

— Ну и всё.

В общем, пришлось взять это «ну и всё», отнести на кухню и открывать слегка дрожащими руками.

Из коробки вырвался дивный запах, а Ксюша, увидев её содержимое, не удержалась от улыбки.

Пять небольших бомбочек для ванны с разными ароматами, морская соль в банке, гель для душа и два куска мыла ручной работы. И карточка, где незнакомым почерком было выведено: «Когда-нибудь у вас всё же включат горячую воду». И смайлик.

Минут десять Ксюша потратила, перенюхивая и пересчитывая всю эту прелесть, и ей безумно всё понравилось. Она не любила слишком сладкие или резкие, пряные запахи, обожала нежные и цитрусовые — и в этом «заказе» всё было так, как нужно. Одно мыло называлось молочным и пахло смесью кокоса и йогурта, другое — медовым, и от него шёл чудесный аромат мёда в сочетании с лимоном. Гель для душа пах терпким грейпфрутом, соль для ванны — смесью каких-то трав с примесью хвои. А уж бомбочки... Клубника, малина, мята-лайм, «морская свежесть» и... «бешеная пчёлка». Над последним названием Ксюша славно похихикала, пока не вспомнила, что ей вообще-то пора на работу.

Но прежде чем выйти из дома, она достала мобильный телефон и набрала короткую смс.

«Спасибо, Игорь Андреевич!»

Он ответил минут через двадцать, когда Ксюша уже ехала в метро.

«Не за что, Ксения».

*

Удивительно, насколько может поднять настроение простой, но приятный подарок. С утра у Ксюши была чугунная голова, но после, получив чудо-коробочку со всякими ван-ными принадлежностями и смешной запиской, девушка совершенно забыла и о своей голове, и обо всём остальном. Она вновь была счастлива и парила над землей, беззаботно улыбаясь.

Но увы — работа способна вернуть на грешную землю даже самого безгрешного ангела.

— Ты никак влюбилась, Ксюшка, — сказала Галя Елецкая ближе к часу дня, вдоволь насмотревшись на безмятежную физиономию коллеги. И сказала, пожалуй, слишком громко — во всяком случае половина редакции заинтересованно приподняла головы, в том числе и Виктор. Да чтоб тебя! — Летаешь прям.

Ксюша перестала улыбаться и посмотрела на Галю с укоризной.

— Просто настроение хорошее. Я ведь завтра не работаю.

— Да? — удивилась Елецкая, и то же самое спросил со своего места Виктор.

— Не работаю, — кивнула Ксюша, поворачиваясь к начальству. — Ты забыл? Я заявление писала ещё три недели назад. У меня подруга завтра замуж выходит.

— А-а-а. Точно, было дело. Вспомнил.

— Значит, у тебя завтра свадьба? — оживилась Галя.

— Не у меня, а у Стаси, подруги моей. В общем... чего печалиться? Погода хорошая, на следующий день в офис не надо... Вот и радуюсь.

— Ну да, ну да, — усмехнулась Елецкая. — Естественно...

Ксюша не стала больше ничего говорить, просто фыркнула и, буркнув: «Я на обед», поспешила к выходу из редакции.

В кофе-зоне народу оказалось меньше, чем обычно — многие были в отпусках — и Ксюша, забрав из холодильника лоток с салатом, разместилась за одним из столиков. Но спокойно поесть ей не дали — минут через пять напротив, даже не спросив разрешения, сел Виктор.

— Приятного аппетита, — пожелал он опешившей сотруднице. И даже без издевки, абсолютно серьёзно.

— Спасибо, — поблагодарила Ксюша, хотя аппетит она сразу потеряла.

— А я ведь думал, что ты врёшь, — продолжил Виктор как ни в чём не бывало, и девушка со вздохом отставила в сторону недоеденный салат. — Ну, про хахалю своего. А сегодня смотрю... И правда влюбилась.

— Вам с Галей, извини, в одну палату надо. И одно и то же лекарство прописывать — от галлюцинаций.

— Да ладно тебе врать-то, Ксюш.

Она вздохнула и возвела глаза к потолку.

— Хорошо. Даже если влюбилась — тебя это не касается.

— Ну почему, — хмыкнуло начальство. — Мне просто интересно знать, кто он. Видишь ли, мне не чуждо любопытство.

— Вижу. Но удовлетворить не могу.

— Это я уже понял, — засмеялся Виктор, и Ксюша слегка рассердилась: настолько пошло это у него получилось. — Да ладно, не злись. Сказать я тебе решил кое-что... В общем, если вдруг у тебя с этим хахалем не сложится, дай мне шанс. Хотя бы крошечный. Ты так решительно отталкиваешь...

— Виктор, ты же женат!

— Был.

Она подняла брови.

— Всё? Развели?

— Развели, — начальник кивнул. — И дочек смогу навещать. Миром дело кончилось, слава богу. Так что я теперь, — он фыркнул, — свободный от обязательств человек. Но я по тебе вижу, что это всё не вовремя.

— Угу.

— Значит, подожду.

Да что за день сегодня такой? То подарки прекрасные, то разговоры ужасные.

— Виктор... Я не думаю, что у меня с тем человеком вообще что-то в итоге получится. Дело не в нём. Просто...

Ксюша не договорила — начальник, поморщившись, перебил её:

— Я понял, ладно. Тогда я пока отложу этот разговор. Кто

знает, вдруг тебе понадобится сильное плечо, утешение, так сказать. А я тут... пять дней в неделю, девять часов в сутки.

Она решила не отвечать — не хотела обижать Виктора.

— Всё, я пообедала. Пойду работать.

— Как пообедала? Ещё же вон, половина лотка.

— А это на ужин, — не моргнув глазом, соврала Ксюша.

— Вечером съем. Фигуру блюду, а то завтра в платье не влезу.

— Фотки не забудь показать. В платье. А можно и без...

— Нельзя.

— Так я и знал. Скучная ты, Ксюшка.

— Ну конечно...

«Если я такая скучная, — подумала девушка, выходя из кофе-зоны, — что же вы все так лезете-то ко мне, а? Значит, не такая уж я и скучная, получается...»

Интересно, а Игорь Андреевич тоже считает её скучной? Нет, вряд ли. И наверняка он посмеётся, если Ксюша эту глупость спросит...

*

Десять вечера, а телефон до сих пор молчит.

Ничего — ни звонка, ни смс, полнейшая тишина. Вакуум.

И что делать?

Ксюша промучилась весь вечер. Разговаривала с Инной Васильевной, которая сетовала на жизнь из-за того, что её командировку задерживают — она как раз сегодня должна была уехать в Пермь, но не уехала — потом пыталась почи-

тать, но строчки прыгали перед глазами, и невозможно было ни на чём сосредоточиться. Кошмар.

Ровно в десять Ксюша решилась. Глупость, абсолютная, вселенская, бесконечная глупость и дурь. Но она не знала, что ещё можно сделать. Поэтому набрала смс-сообщение.

«А нам, между прочим, горячую воду включают уже в эту пятницу!»

Отправила. И сразу стало ТАК стыдно. Невыносимо просто. Словно какой-то подросток, пишет глупости взрослому мужчине. И какие глупости! Про воду!!!

Мобильник пиликнул, и Ксюша от страха и неожиданности села на пол. Какое-то время сжимала телефон в ладонях, не решаясь открыть пришедшее сообщение, а потом открыла...

«Сезонная распродажа! Скидки до 50%!!! Ждём вас по адресу...»

Да... чтоб тебя!

Ксюша закрыла лицо руками и засмеялась. Дура... С чего ты взяла, что он всегда должен реагировать на твои сообщения быстрее молнии? Может, он до сих пор на работе или уже спать лёг...

Телефон вновь зазвенел.

«Это замечательно, Ксения. Вы дома?»

Сердце билось где-то внизу живота...

«Да, дома».

Звонок. Неужели?!

— Добрый вечер, Ксения. Вы ещё не ложитесь спать?

— Нет, Игорь Андреевич, — ответила она с такой радостью в голосе, что сама испугалась подобной реакции. — Не ложусь.

— Хорошо, — кажется, он улыбался, — я ненадолго вас отвлеку. Настя тут вознамерилась устроить вечером в четверг сеанс настольных игр, она любит это дело. Придёте к нам?

— Приду, — сказала Ксюша, нервно выводя пальцем узоры на ворсе ковра. — После шести же, да?

— Конечно. Прекрасно, мы с Настей будем рады. Что ж... отдыхайте, не буду вас отвлекать.

— Подождите, — испуганно выдохнула девушка, — это... всё?

Игорь Андреевич засмеялся, и она почувствовала себя глупым ребёнком.

— Ксения... я думал, вы устали. Уже почти половина одиннадцатого. А у вас завтра ещё и свадьба.

— Она не у меня, а у подруги. Нет, я не устала. Если только совсем чуть-чуть. А... вы?

— А я очень устал, Ксения.

Ну вот.

— Извините.

— И за что вы извиняетесь? — Он опять засмеялся. — За то, что я устал, а вы нет?

— Нет, не за это. Что задерживаю вас.

— Не нужно. Когда я с вами разговариваю, усталость отступает.

— Да? — удивилась Ксюша.

— Точно-точно. Так что нам с вами надо почаще общаться.

— Игорь Андреевич! Вы надо мной подтруниваете!

— Немного. Но не сильно, Ксения. Я говорю правду — ваш радостный голос действительно придаёт мне сил. Он, конечно, не может заменить сон и еду, но тем не менее приободряет. Он у вас, кстати, очень красивый. Вы не поёте, случайно?

Ксюша слегка смутилась.

— Пою.

— Я так и подумал. Споёте мне?

— Сейчас?..

— Нет. Хотя если хотите — можно и сейчас. Но лучше при встрече.

— Ладно. Только обещайте, что не будете потом делать из меня звезду телеэкрана.

— Обещаю.

Ксюша, почувствовав, что на полу ей стало совсем жёстко, всё же села на кровать. Провела ладонью по покрывалу... и решила.

— Игорь Андреевич... у меня к вам, наверное, глупый вопрос.

— Задавайте любой вопрос, Ксения. Я отвечу, если смо-

гу, — ответил мужчина, чем-то зазвенев в трубке, и Ксюша испуганно спросила:

— Вы пьёте в такое время?

— Пью, — засмеялся Игорь Андреевич. — Чай. А вы что подумали?

— Показалось, что это бокалы...

— Нет, кружки. Не волнуйтесь за меня, Ксения, я давно не мальчик. Так что за вопрос?

Она закусила губу.

— Я не понимаю, как все эти ваши курьеры с цветами и подарками попадали в подъезд. Они сразу в дверь звонили, а не в домофон... Как вы это сделали?

Игорь Андреевич задумчиво молчал, и Ксюша даже заволновалась.

— Думаете, я волшебник? — усмехнулся он. — Нет, Ксения. И я не уверен, что мне стоит раскрывать вам этот небольшой секрет.

— Но меня же любопытство загрызёт!

— Какое у вас зверское любопытство, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Давайте так. Я расскажу вам всё в эту субботу, если вы сходите со мной кое-куда.

— Куда же?

— А это будет сюрприз. Не волнуйтесь, не страшный. Ну, так что?

— А... — Ксюша ещё колебалась. — С Настей?

— Нет, Ксения. Без Насти.

— М-м-м... — Щекам стало жарко. — А как одеваться надо?

— Как хотите. Ну же, решайтесь. Или любопытство не так уж сильно вас грызёт?

— Нет, сильно... Ладно, я согласна.

— Прекрасно. Я очень рад. И, Ксения... у меня к вам будет ещё одна маленькая просьба.

Игорь Андреевич почему-то понизил голос, и у Ксюши замерло сердце.

— Перед встречей, если вам действительно уже включают горячую воду, примите ванну с одной из этих маленьких бомбочек.

Теперь щекам было уже не просто жарко. Они горели в адском пламени.

— Мне хочется почувствовать на вас один из этих запахов, — продолжал между тем Игорь Андреевич, пока Ксюша пыталась успокоить мечущиеся мысли и пустившееся в галоп сердце. — Вам невероятно пойдёт, я уверен.

Его голос обволакивал девушку и был таким невероятно сексуальным, что Ксюша сжала бёдра — между ног будто бы металл плавил.

— Хорошо, Игорь Андреевич, — ответила она тихо. — Будет вам... бомбочка.

— Звучит угрожающе, — он рассмеялся, почти рассеивая колоссальное чувственное напряжение, охватившее тело девушки. — Но я всё снесу от вас, Ксения.

Она улыбнулась.

— Значит, я могу мучить вас безнаказанно?

— Кто сказал, что безнаказанно? Нет. Я обязательно накажу вас, Ксения...

И вновь это чувственное, обволакивающее, стягивающее в кокон...

— ... Но только если вы этого захотите.

Она усмехнулась, совершенно уверенная в том, что обязательно захочет.

И в том, что он об этом прекрасно знает.

И ведь действительно не соврал — голос Ксении, живой и радостный, подействовал на Игоря словно чашка кофе. Хотя он после целого дня в студии чувствовал себя выжатой половой тряпкой и полагал, что взбодрить его теперь сможет только ужин и сон не менее восьми часов.

А потом вошла Настя с предложением поиграть в четверг в настольные игры, и Игоря осенило — отличный предлог заманить к ним Ксению. Тем более что она сама написала ему очень милое смс-сообщение. Конечно, это была слабая попытка начать диалог, но достаточно и самого факта этой попытки.

Как же она обрадовалась, услышав его голос. Игорь, расслабившись и прикрыв глаза, просто наслаждался её нежным

щебетом. Хорошая девочка...

Не смог отказать себе в удовольствии немного подразнить её, чувствуя, что она уже готова к таким небольшим словесным перепалкам. Ответить на уровне Ксения не могла, но слушала и замирала, и это замечательно. Значит, её не пугала его страсть... хотя истинной силы этой страсти Ксения, естественно, не представляла.

Интересно... сколько у неё было мужчин? Игорь понимал, что мало, но ему была любопытна точная цифра. Один, двое? Да, скорее всего, и не больше. Невинной телом она, конечно, не была, но вот душой — точно. Чувственность толком не разбужена, реакции зажаты, а ведь потенциал-то огромный...

Прекрасно. И вот вроде устал, а стоило подумать о Ксении, точнее, о том, как она будет выглядеть — с разметающимися кудрями, чуть приоткрытым влажным ртом, скачущая на нём, словно наездница, — и тело отреагировало соответственным образом.

Игорь усмехнулся, даже не собираясь прогонять этот чудесный образ. Любопытно, в какой позе ей больше нравится? Хоть перезванивай и спрашивай.

Нет. Ещё не время. Успеется.

У него на Ксению были большие планы...

На следующий день Ксюша и не ждала утром никаких подарков — не каждый же раз Игорю Андреевичу её баловать? Да и из дома она вышла на полчаса раньше, торопясь к Стасе на торжество.

Но, достав из сумки телефон уже в метро, чтобы посмотреть время, Ксюша обнаружила смс-сообщение.

«С добрым утром, Ксения. Позвоните мне, как всё закончится. Я отвезу вас домой».

Воздуха резко стало не хватать, и она на секунду закрыла глаза, пытаясь справиться с дыханием.

«Спасибо, Игорь Андреевич, но я сама».

Через две минуты телефон вновь завибрировал.

«Не отказывайте мне в возможности увидеть вас в прекрасном платье. Обещаю даже руки не распускать».

Она улыбнулась.

«Даже?»

«Даже».

И смайлик.

Ксюша рассмеялась, опуская голову, чтобы окружающие не видели её улыбку. Что же он с ней делает...

«Хорошо, я позвоню. А ко мне домой или к вам домой?»

Да, написать иногда намного проще, чем сказать... И в смс-сообщении так легко быть смелой. Тогда как в жизни Ксюша не могла вести себя подобным образом с Игорем Андреевичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.